

Лекция 15. Аномия в России: понятие, причины и проявления

Описания частных аспектов кризиса России будут неверны, если вырвать их из контекста, из общего поля – того превращения, которое происходит с человеком, с его мышлением, совестью, культурой. В этой работе рассмотрим этот общий фон нашего кризиса, который можно назвать *аномия России*.

Аномия (букв. *беззаконие, безнормность*) — это социальная и духовная патология, распад человеческих связей и дезорганизация общественных институтов, массовое девиантное и преступное поведение. Это состояние, при котором значительная часть общества сознательно нарушает известные нормы этики и права.

Э. Дюркгейм, вводя в социологию понятие аномии (1893 г.), видел в ней продукт разрушения солидарности традиционного общества при задержке формирования солидарности общества гражданского. Это пережил Запад в период становления буржуазного общества при трансформации общинного человека в свободного индивида.

На материале американского общества середина XX века понятие аномии развил Р. Мертон – в очень актуальном для нынешней России аспекте. Он писал: «Порок и преступление — «нормальная» реакция на ситуацию, когда усвоено культурное акцентирование денежного успеха, но доступ к общепризнанным и законным средствам, обеспечивающим этот успех, недостаточен» [97].

Американский социолог Макайвер называет аномией «разрушение чувства принадлежности индивида к обществу». Он пишет: «Человек не сдерживается своими нравственными установками, для него не существует более никаких нравственных норм, а только несвязные побуждения, он потерял чувство преемственности, долга, ощущение существования других людей. Аномичный человек становится духовно стерильным, ответственным только перед собой. Он скептически относится к жизненным ценностям других. Его единственной религией становится философия отрицания. Он живет только непосредственными ощущениями, у него нет ни будущего, ни прошлого» (см. [144]).

Есть даже такое афористичное определение: «Аномия есть тенденция к социальной смерти; в своих крайних формах она означает смерть общества».

От аномии человек защищен в устойчивом и сплоченном обществе. Атомизация общества, индивидуализм его членов, одиночество личности, противоречие между «навязанными» обществом потребностями и возможностями их удовлетворения – вот условия возникновения аномии. Целые социальные группы перестают чувствовать свою причастность к данному обществу, происходит их отчуждение, новые социальные нормы и ценности отвергаются членами этих групп. Неопределенность социального положения, утрата чувства солидарности ведут к нарастанию отклоняющегося и саморазрушительного поведения. Аномия – важная категория общей теории девиантного поведения.

Маргинальные группы, проявляющие склонность к девиантному и криминальному поведению, есть в любом обществе и в любой момент времени. Но в советское время понятие аномии применялось редко, представление о советском человеке было проникнуто эссенциалистской верой в устойчивость его ценностной матрицы. Это представление о человеке у нас до сих пор сохранилось. Мы часто слышим рассуждения о «национальном характере», «русском менталитете», «соборности» и т.п., а на деле пришли «Горбачев с Ельциным» – и быстро нейтрализовали и русский характер, и советский менталитет.

Последние десятилетия показали, что человек гораздо более пластичен, чем предполагала антропология модерна. Более того, в процессе быстрых социальных изменений происходит быстрое «переформатирование» ценностей, рациональности и образа действий больших масс людей. В России за последние двадцать лет они пришли в такое состояние разума и совести, что все общественные институты перестали выполнять

свои привычные функции. Возникла система порочных кругов и лавинообразных процессов разрушения и деградации.

После ликвидации СССР в России, по мнению социологов, произошло лавинообразное нарастание аномии. Переломная точка - 1993 год, когда в восприятии людей реформа явно зашла в тупик. Тот год социологи характеризуют как критический для российского сознания. «Пик социополитического кризиса вызвал сильнейшую аномию и отчуждение буквально от всех социогрупповых образований и в первую очередь от больших коллективных солидарностей»¹.

Пусковым механизмом этого цепного процесса стала «культурная травма». Это понятие было введено в обиход польским социологом П. Штомпкой, который писал: «Травма появляется, когда происходит раскол, смещение, дезорганизация в упорядоченном, само собой разумеющемся мире. Влияние травмы на коллектив зависит от относительного уровня раскола с предшествующим порядком или с ожиданиями его сохранения... Травма может возникнуть на биологическом, демографическом уровне коллективности, проявляясь в виде биологической деградации населения, эпидемии, умственных отклонений, снижения уровня рождаемости и роста смертности, голода и так далее... Она может разрушить сложившиеся каналы социальных отношений, социальные системы, иерархию... Если происходит нарушение порядка, символы обретают значения, отличные от обычно означаемых. Ценности теряют ценность, требуют неосуществимых целей, нормы предписывают непригодное поведение, жесты и слова обозначают нечто, отличное от прежних значений. Верования отвергаются, вера подрывается, доверие исчезает, харизма терпит крах, идолы рушатся» [153].

Культурная травма – явление очень инерционное, оно может сохраняться и в следующем поколении и дает о себе знать, даже если положение внешне стабилизировалось. Поэтому для компенсации культурной травмы обществу требуется специальная программа реабилитации. Но ни о чем подобном в России сегодня и речи нет. Напротив, господствующее меньшинство непрерывно берedit людям раны, углубляя тем самым культурную травму.

Причины, порождающие аномию, являются *социальными* (а не личностными и психологическими) и носят *системный* характер. Воздействие на сознание и поведение людей оказывают одновременно комплексы факторов, обладающие кооперативным эффектом. Поэтому можно принять, что проявления аномии как результат взаимодействия сложных систем будут мало зависеть от структуры конкретного потрясения, перенесенного конкретной общностью.

Другими словами, радикальные социальные изменения, несущие «свой смысл», наделяются дополнительным смыслом как ответ культуры той общности, которая испытала травму. В целях анализа мы можем прибегнуть к абстракции, выделяя, например, изменения в *образе жизни* (социальных правах, доступе к жизненным благам и пр.) и изменения в *духовной сфере* (оскорбление памяти, разрушение символов и пр.), но будем иметь в виду, что обе эти сферы связаны неразрывно. Приватизация завода для многих – не просто экономическое изменение, но и духовная травма, как не сводится к экономическим потерям ограбление в темном переулке.

Поэтому мы будем описывать травмирующие социальные изменения в России и результирующие проявления аномии, не пытаясь установить корреляции между этими двумя структурами. В социологической литературе гораздо большее внимания уделяется

¹ Постсоветское обществоведение, в общем, тоже медленно осваивает когнитивные возможности представлений об аномии. В течение последних двадцати лет едва ли не половина статей в «СОЦИСе» затрагивает проблему аномии той или иной социокультурной общности в России, но само понятие, обозначающее это явление, почти применяется. На 2-3 тысячи релевантных статей по проблеме аномии российского общества едва наберется десяток имеющих в заглавии этот термин.

изменениям в образе жизни, даже, скорее, в экономической, материальной стороне жизнеустройства. Здесь мы будем в какой-то мере компенсировать этот перекос собственными соображениями о травмах в духовной сфере.

Вот взгляд извне, с обобщающей формулировкой. Вице-президент Международной социологической ассоциации М. Буравой пишет: «Невероятно глубокое разделение общества по имущественному положению повлекло за собой отчужденность. Разрушительной формой протеста стало пренебрежение к социальным нормам. В социальной структуре распадающегося общества возник значительный слой «отверженных» - люмпенизированных лиц, в общности которых процветают преступность, алкоголизм и наркомания» [24].

А вот взгляд из российской глубинки (Ивановская обл.): «Депрессивная экономика, низкий уровень жизни и высокая дифференциация доходов населения сильнее всего сказываются на представителях молодежной когорты, порождая у них глубокий «разрыв между нормативными притязаниями... и средствами их реализации», усиливая аномические тенденции и способствуя тем самым росту суицидальной активности в этой группе...

Бесконечные реформы, усиление бедности, рост безработицы, углубление социального неравенства и ослабление механизмов социального контроля, неизбежно ведут к деградации трудовых и семейных ценностей, распаду нравственных норм, разрушению социальных связей и дезинтеграции общественной системы. Массовые эксклюзии рождают у людей чувство беспомощности, изоляции, пустоты, создают ощущение ненужности и бессмысленности жизни. В результате теряется идентичность, растет фрустрация, утрачиваются жизненные цели и перспективы. Все это способствует углублению депрессивных состояний, стимулирует алкоголизацию и различные формы суицидального поведения. Общество, перестающее эффективно регулировать и контролировать повседневное поведение своих членов, начинает систематически генерировать самодеструктивные интенции» [100].

Наиболее прямо и жестко подходят к формулировке проблемы аномии социологи, изучающие девиантное и криминальное поведение. Один из таких социологов, В.В. Кривошеев, пишет: «Дезорганизация, дисфункциональность основных социальных институтов, патология социальных связей, взаимодействий в современном российском обществе, которые выражаются, в частности, в несокращающемся числе случаев девиантного и делинквентного поведения значительного количества индивидов, то есть все то, что со времен Э.Дюркгейма определяется как аномия, фиксируется, постоянно анализируется представителями разных отраслей обществознания. Одни... полагают, что современное аномичное состояние общества - не более чем издержки переходного периода... Другие рассматривают происходящее с позиций катастрофизма, ... необратимости негативных процессов в обществе, его неотвратимой деградации.

На наш взгляд, [это] свидетельствует об определенной теоретической растерянности перед лицом крайне непростых и, безусловно, не встречавшихся прежде проблем, стоящих перед нынешним российским социумом, своего рода неготовности социального познания к сколь-нибудь полному, если уж не адекватному, их отражению» [83].

Здесь отмечено важное состояние нынешнего обществоведения - «неготовность социального познания» к пониманию конкретного явления современной российской аномии. Это состояние надо срочно преодолевать.

В.В. Кривошеев исходит из классических представлений о причинах аномии - распада устойчивых связей между людьми под воздействием радикального изменения жизнеустройства и ценностной матрицы общества. Он пишет: «Несколько поколений людей формировались в духе коллективизма, едва ли не с первых лет жизни воспитывались с сознанием некоего долга перед другими, всем обществом...

Ныне общество все больше воспринимается индивидами как поле битвы за сугубо личные интересы. Переход к такому атомизированному обществу и определил своеобразие его аномии» [83].

Не углубляясь сильно, отметим методологическую трудность, присущую нашей теме – трудность *измерения* аномии. Само это понятие нежесткое, все параметры явления подвержены влиянию большого числа плохо определенных факторов. Следовательно, трудно найти индикаторы, пригодные для выражения *количественной меры*. Легче оценить масштаб аномии *в динамике*, через нарастание болезненных явлений. А главное, надо грубо взвешивать смысл качественных оценок.

В общем, социологи соглашались в том, что аномия охватила большие массы людей во всех слоях общества, болезнь эта глубока и обладает большой инерцией. Видимо, обострения и спады превратились в колебательный процесс – после обострения люди как будто подают друг другу сигнал, что надо притормозить (это видно, например, по частоте и грубости нарушений правил дорожного движения – они происходят волнами). Но надо отдавать себе отчет в том, что наряду с углублением аномии непрерывно происходит *восстановление* общественной ткани и норм.

Р. Мертон на этот счет сказал так: «Вряд ли возможно, чтобы когда-то усвоенные культурные нормы игнорировались полностью. Что бы от них ни оставалось, они непременно будут вызывать внутреннюю напряженность и конфликтность, а также известную двойственность. Явному отвержению некогда усвоенных институциональных норм будет сопутствовать скрытое сохранение их эмоциональных составляющих. Чувство вины, ощущение греха и угрызения совести свойственны состоянию неисчезающего напряжения» [97].

Таким образом, несмотря на глубокую аномию, состояние российского общества следует считать «стабильно тяжелым» но *стабильным*. Общество пребывает в условиях *динамического равновесия* между процессами повреждения и восстановления, которое сдвигается то в одну, то в другую сторону.

Рассмотрим порождающие аномию факторы, начиная с мягких «средств массового поражения». Прежде всего, надо сказать о *системе* оскорбительных действий власти и политической элиты времен перестройки как особой стороне той культурной травмы, которая погрузила общество в аномию. Достоинство людей было оскорблено уже тем, что доктрина перестройки и реформы строилась на лжи. Элита реформаторов воспользовалась доверчивостью советских граждан, а после «победы» стала над этой доверчивостью издеваться.

А.Н. Яковлев писал в 2001 г.: «После XX съезда в сверхузком кругу своих ближайших друзей и единомышленников мы часто обсуждали проблемы демократизации страны и общества. Избрали простой, как кувалда, метод пропаганды “идей” позднего Ленина. Надо было ясно, четко и внятно вычленив феномен большевизма, отделив его от марксизма прошлого века. А потому без устали говорили о «гениальности» позднего Ленина, о необходимости возврата к ленинскому «плану строительства социализма» через кооперацию, через государственный капитализм и т. д.

Группа истинных, а не мнимых реформаторов разработала (разумеется, устно) следующий план: авторитетом Ленина ударить по Сталину, по сталинизму. А затем, в случае успеха, Плехановым и социал-демократией бить по Ленину, либерализмом и “нравственным социализмом” – по революционаризму вообще» [158].

По лестнице партийной иерархии стали продвигаться люди двуличные. Некоторые из них были талантливыми, другие посредственными, но важно, что они приняли нормы двоемыслия, что деформировало всю когнитивную структуру сознания гуманитарной элиты. Она впала в *цинизм* – особый тип аномии. Лжец теряет контроль над собой, как kleptomан, воруящий у себя дома.

Ложью обосновывалась *приватизация*, которая стала небывалым в истории случаем теневого соглашения между бюрократией и преступным миром - две эти социальные

группы поделили между собой промышленность России. Этот союз нанес по России колоссальный удар, и неизвестно еще, когда она его переболеет.

Ложью были обещания власти не допустить безработицы в результате реформы. Вот что говорил А.Н. Яковлев в выступлении 4 мая 1990 г.: «Сейчас в общественный обиход пущены идеи, утверждающие, что в стране сильно возрастет безработица, упадет жизненный уровень и т.д... Лично я считаю, что при разумной организации дела безработицы быть не может, ибо у нас одна лишь сфера услуг может поглотить более чем те 10 миллионов человек, которым сулят безработицу... И вообще рыночная экономика вводится не для того, чтобы ухудшить положение трудящихся, а для того, чтобы поднять жизненный уровень народа» [159].

В мае 1990 г. было уже прекрасно известно, что в результате реформы как раз «сильно возрастет безработица, упадет жизненный уровень и т.д.» - уже были сделаны и опубликованы расчеты, которых Яковлев просто не мог не знать.

Фактором дезинтеграции общества стали действия государства в сфере культуры. Нравственное чувство людей оскорбляла начатая еще во время перестройки кампания по внедрению в язык «ненормативной лексики» (мата). Его стали узаконивать в литературе и прессе, на эстраде и телевидении. Появление мата в публичном пространстве разъединяло людей, отравляло сознание. Для каждого средства языка есть своя ниша, оговоренная нравственными и эстетическими нормами. Разрушение этой системы вызывает тяжелую болезнь всего организма культуры. Опросы 2004 г. показали, что 80% граждан считали использование мата на широкой аудитории недопустимым. Но ведь эта диверсия была частью культурной политики государства!

Культурное ядро общества разрушалось вестернизацией кинематографа. Мало того, что рынок проката был сдан Голливуду, по голливудским штампам стали сниматься отечественные фильмы. Культуролог, главный редактор журнала «Искусство кино» Д.Б. Дондурей писал: «Рейтинг фильмов, снятых в ельцинскую эпоху, т.е. после 1991 г., у советских граждан в 10-15 раз ниже, чем у выпущенных под эгидой отдела пропаганды ЦК КПСС. Созданная нашими режиссерами вторая реальность массовой публикой отвергается. Наши зрители сопротивляются той тысяче игровых лент «не для всех», которые были подготовлены в 90-е годы,.. герои которых по преимуществу преступники, наркоманы, инвалиды, проститутки, номенклатурная дрянь с отклонениями в поведении» [51].

Именно так, «тысяча игровых лент 90-х годов» продуцировала аномию, а противодействовали ей фильмы, «выпущенные под эгидой отдела пропаганды ЦК КПСС». То же самое – на радио, в телевидении, в театре. Опустошение культурной палитры, которое произвел «новый режим» за двадцать лет – национальная катастрофа. Это – механизм воспроизводства аномии.

Исследователи отмечали, что рост патологических социальных явлений обуславливается не только экономическими, но и культурными факторами, в частности, воздействием СМИ. Так, с начала перестройки они целенаправленно *развращали* молодежь. Социологи из МВД пишут: «Отдельные авторы взахлеб, с определенной долей зависти и даже восхищения, взяв за объект своих сочинений наиболее элитарную часть — валютных проституток, живописали их доходы, наряды, косметику и парфюмерию, украшения и драгоценности, квартиры и автомобили и проч., а также места их «работы», каковыми являются первоклассные отели, рестораны и бары. Эти публикации вкуче с известными художественными и документальными фильмами создали красочный образ «гетер любви» и сделали им яркую рекламу, оставив в тени трагичный исход жизни героинь.

Массированный натиск подобной рекламы не мог остаться без последствий. Самое печальное, что она непосредственным образом воздействовала на несовершеннолетних девочек и молодых женщин. Примечательны результаты опросов школьниц в Ленинграде

и Риге в 1988 г., согласно которым профессия валютной проститутки попала в десятку наиболее престижных, точнее — доходных профессий» [72].

Телевидение крутило игровые шоу типа «Слабое звено», «За стеклом», «Последний герой». Их идейный стержень - утверждение социал-дарвинизма как закона жизни в России. Неспособные уничтожаются, а приспособленные выживают в «естественном отборе». Умри ты сегодня, а я завтра! Социологи писали: «Акцент делается на возможностях победы над противником через подкуп, сговор, активизацию темных, находящихся в глубине души инстинктов. Практически во всех программах прослеживается идея, что для обладания материальным выигрышем – т.е. деньгами, хороши любые средства. Таким образом, программы ориентируют зрителя на определенный вариант жизни, стиль и способ выживания» [203].

Но ведь превращение телевидения в генератор аномии – культурная политика государства!

Культурной диверсией стала и *вестернизация потребностей*, которая производит аномию буквально «по Мертону». Сначала молодежь, а потом и основную массу граждан втянули в «революцию притязаний», добились сдвига к принятию стереотипов западного общества потребления. Чтобы получить шанс на обладание вещами «как на Западе», надо было сломать многие многие нравственные и правовые ограничения. Это, по оценке Р. Мертона, и есть главный механизм аномии в рыночном обществе.

Способов углубить аномию и стравить расколотые части общества много. К ним, например, относится *профанация праздников*, которые вошли в жизнь подавляющего большинства общества и давно уже стали национальными. В России ведется настоящий штурм символического смысла праздников, которые были приняты и устоялись в массовом сознании советских людей. Кто-то придумал праздновать 7 ноября «годовщину военного парада 7 ноября 1941 года». Парад в честь годовщины парада! А в честь чего был *тот* парад, говорить нельзя. Такие вещи даром не проходят, они генерируют аномию.

Уход государства от выполнения спланирующей функции, ценностный конфликт с большинством населения разрывают узы «горизонтального товарищества» и углубляют аномию. Это – фундаментальная угроза для России.

Особой общностью, которой была нанесена и продолжает наноситься глубокая культурная травма, является «советский человек». Численность этой группы определить трудно, но она составляет большинство населения, независимо от идеологических (даже антисоветских) установок отдельных ее частей. Скорее всего, со временем эта численность сокращается из-за выбытия старших возрастов, хотя этот тезис дискуссионный – судя по ряду признаков, «либеральная» молодежь, взрослая и создавая семьи, вновь осваивает «советские ценности».

С 1989 г. ВЦИОМ под руководством Ю.А. Левады вел наблюдение за тем, как изменялся в ходе реформы советский человек. В заключительной четвертой лекции об этом исследовании, 15 апреля 2004 г., Ю.А. Левада говорит: «Работа, которую мы начали делать 15 лет назад, - проект под названием “Человек советский” - последовательность эмпирических опросных исследований, повторяя примерно один и тот же набор вопросов раз в пять лет... Было у нас предположение, что мы, как страна, как общество, вступаем в совершенно новую реальность, и человек у нас становится иным... Оказалось, что это наивно... Мы начали думать, что, собственно, человек, которого мы условно обозвали “советским”, никуда от нас не делся... И люди нам, кстати, отвечали и сейчас отвечают, что они то ли постоянно, то ли иногда, чувствуют себя людьми советскими. И рамки мышления, желаний, интересов почти не выходят за те рамки, которые были даже не в конце, а где-нибудь в середине последней советской фазы. У нас сейчас половина людей говорит, что лучше было бы ничего не трогать, не приходил бы никакой злодей Горбачев, и жили бы, и жили» [87].

Итак, «советский человек никуда от нас не делся». Он просто «ушел в катакомбы». Там он подвергается жесткой идеологической обработке, часто с примесью культурного

садизма. Любой тип, выходящий на трибуну или к телекамере с антисоветским сообщением, получает какой-то бонус. Антисоветская риторика узаконена как желательная, что и обеспечивает непрерывность «молекулярной агрессии» в массовое сознание населения.

В антисоветском мышлении уже с 60-х годов стало созреть отношение к трудящимся как «иждивенцам и паразитам» — чудовищный выверт элитарного сознания. Возникла идея «наказать паразитов» безработицей, а значит, голодом и страхом. Но открыто об этом стали говорить во время перестройки. Близкий к Горбачеву экономист Н.П. Шмелев писал: «Не будем закрывать глаза и на экономический вред от нашей паразитической уверенности в гарантированной работе. То, что разболтанностью, пьянством, бракоделством мы во многом обязаны чрезмерно полной (!) занятости, сегодня, кажется, ясно всем. Надо бесстрашно и по-деловому обсудить, что нам может дать сравнительно небольшая резервная армия труда, не оставляемая, конечно, государством полностью на произвол судьбы... Реальная опасность потерять работу, перейти на временное пособие или быть обязанным трудиться там, куда пошлют, — очень неплохое лекарство от лени, пьянства, безответственности» [152].

Власть и сейчас настойчиво представляет «патерналистские настроения» большинства граждан России как иждивенчество. Это – нелепая и оскорбительная установка. Она дополнила социальный конфликт мировоззренческим, ведущим к разделению населения и государства как враждебных этических систем. Непрерывные попреки власти и угрозы «прекратить государственный патернализм» уже не оскорбляют, а озлобляют людей и вызывают холодное презрение.

В сентябре 2008 г. Институт социологии РАН совместно с фондом им. Ф. Эберта провел исследование фобий и страхов в массовом сознании населения России. Выводы таковы: «Лидером негативно окрашенного чувства стало чувство *несправедливости* происходящего вокруг, которое свидетельствует о нелегитимности для наших сограждан сложившихся в России общественных отношений (испытывают это чувство часто 38%, иногда - 53%). Острота переживания социальной несправедливости в последние годы несколько притупилась. Во всяком случае, в 1995 г. большинство населения (58%) жило с практически постоянным ощущением всеобщей несправедливости, а в 2008 г. оно превратилось преимущественно в ситуативное чувство, испытываемое иногда.

Еще одно выраженное негативно окрашенное чувство - это чувство собственной беспомощности повлиять на происходящее вокруг. С разной степенью частоты его испытывают 84% взрослого населения, в т.ч. 45% испытывают часто. Чувство беспомощности очень тесно связано с ощущением несправедливости происходящего, образуя в сочетании поистине «гремучую смесь», изнутри подрывающую и психику, и физическое здоровье многих россиян» [42].

Здесь сказано о той травме, которую реформа нанесла в духовной сфере. Массу людей *оскорбила несправедливость*.

Если делать скидку на то волнение, с которым социологи формулируют свои выводы из исследований социального самочувствия разных социальных и гендерных групп, то массив статей «СОЦИСа» за 1990-2010 гг. можно принять за выражение экспертного мнения большого научного сообщества. Важным измерением этого коллективного мнения служит и длинный временной ряд – динамика оценок за все время реформы. В этих оценках сообщество социологов России практически единодушно. Статьи различаются лишь в степени политкорректности формулировок. Как было сказано, подавляющее большинство авторов в качестве основной причины аномии называют социально-экономические потрясения и обеднение большей части населения. Часто указываются также чувство несправедливости происходящего и невозможность повлиять на ход событий.

В массиве социологических исследований дается описание широкого спектра проявлений аномии, от самых мягких – конформизма и мимикрии до немотивированных

убийств и самоубийств. Эти проявления начались на ранних стадиях реформы, и российские социологи были к ним не готовы².

Большое число работ посвящено специфическим формам аномии в молодежной среде. В одной из них автор пишет, выделяя вывод курсивом: *«Сформировалось поколение людей, которое уже ничего не ждет от властей и готово действовать, что называется, на свой страх и риск. С другой стороны, происходит индивидуализация массовых установок, в условиях которой говорить о какой бы то ни было солидарности, совместных действиях, осознании общности групповых интересов не приходится»* [111].

Сравнение динамики установок студентов за 1997-2007 гг. указывает на углубление аномии в их среде. Но самыми незащищенными перед волной аномии оказываются дети и подростки. Они тяжело переживают бедствие, постигшее их родителей.

В 1994 г. социологи исследовали состояние сознания школьников Екатеринбурга двух возрастных категорий: 8—12 и 13—16 лет. Выводы авторов таковы: «Ребята остро чувствуют социальную подоплеку всего происходящего. Так, среди причин, вызвавших появление нищих и бездомных людей в современных больших городах, они называют массовое сокращение на производстве, невозможность найти работу, высокий уровень цен... Дети школьного возраста полагают, что жизнь современного россиянина наполнена страхами за свое будущее: люди боятся быть убитыми на улице или в подъезде, боятся быть ограбленными. Среди страхов взрослых людей называют и угрозу увольнения, страх перед повышением цен...

Сами дети также погружены в атмосферу страха. На первом месте у них стоит страх смерти: «Боюсь, что не доживу до 20 лет», «Мне кажется, что я никогда не стану взрослым — меня убьют»... Российские дети живут в атмосфере повышенной тревожности и испытывают недостаток добра» [98].

Как показал ход реформы, для большинства обедневших семей их нисходящая социальная мобильность оказалась необратимой. Сильнее всего это ударило по детям — произошла их сегрегация от благополучных слоев общества. В 2004 г. социологи делают такой вывод (выделение авторов): *«Прогрессивное сужение социальных возможностей для наиболее депривированных групп, начнет в скором времени вести к активному процессу воспроизводства российской бедности, резкому ограничению возможностей для детей из бедных семей добиться в жизни того же, что и большинство их сверстников из иных социальных слоев»* [45].

Целые контингенты детей и подростков оказываются беспризорными или безнадзорными, лишившись всякой защиты от преступных посягательств и втягивания их самих в преступную среду. Без защиты семьи и государства большое число подростков гибнет от травм, насилия и душевных кризисов. В исследовании причин подростковой смертности сказано: «В последние 5 лет смертность российских подростков в возрасте 15—19 лет... в 3—5 раз выше, чем в большинстве стран Европейского региона. Главной причиной смертей являются травмы и отравления (74,4% в 2008 г.).

Реальные масштабы подростковой смертности от травм и отравлений заметно превышают ее официально объявленный уровень за счет неточно обозначенных состояний, маскирующих внешние причины, а также сердечно-сосудистых заболеваний, с латентной смертностью наркоманов. Реальные масштабы смертности от убийств,

² Этим объясняют, например, провал социологических опросов и прогнозов перед выборами 1993 г. Обнаружилось такое отчуждение от власти и «её социологических служб», что выяснить установки респондентов оказалось невозможным — «народ безмолвствовал». Видный социолог Б.А. Грушин отметил, что «острое недоверие масс к власти, нежелание иметь любые контакты с правительством, и факт, что опросы идентифицировались с властью, объясняет, почему многие россияне... не хотят быть искренними с интервьюерами».

суицидов и отравлений существенно выше официально объявленных за счет поврежденных с неопределенными намерениями...

По уровню самоубийств среди подростков Россия на первом месте в мире – средний показатель самоубийств среди населения подросткового возраста более чем в 3 раза превышает средний показатель в мире. И эти цифры не учитывают попыток к самоубийству» [126].

Вообще, смертность от внешних причин (особенно от травм и отравлений) достигла в России очень больших размеров. Вот выводы одного из диссертационных исследований: «Смертность от травм и отравлений может выступать маркером развития социальной ситуации в стране. В России... возобладали негативные тенденции, вследствие чего уровни травматической смертности российских мужчин в настоящее время более чем вчетверо выше, чем во Франции и США, и более чем в 8 раз выше, чем в Великобритании» [8].

Об инерционности аномии говорят сообщения самого последнего времени, в которых дается обзор за ряд лет. Авторы обращают внимание на то, что даже в годы заметного улучшения экономического положения страны и роста доходов зажиточных групп населения степень проявления аномии снижалась незначительно.

Вот вывод психиатра, зам. директора Государственного научного центра клинической и судебной психиатрии им. В. П. Сербского (2010 г.): «Затянувшийся характер негативных социальных процессов привели к распаду привычных социальных связей, множеству мелких конфликтов внутри человека и при общении с другими членами общества. Переживания личного опыта каждого человека сформировали общую картину общественного неблагополучия. Переосмысление жизненных целей и крушение устоявшихся идеалов и авторитетов способствовало утрате привычного образа жизни, потере многими людьми чувства собственного достоинства. Отсюда – тревожная напряжённость и развитие «кризиса идентичности личности»... Развиваются чувство неудовлетворённости, опустошённости, постоянной усталости, тягостное ощущение того, что происходит что-то неладное. Люди видят и с трудом переносят усиливающиеся жестокость и хамство сильных» [2].

В этом суждении важное место занимает уже травма, нанесенная духовной сфере людей - крушение устоявшихся идеалов, потеря чувства собственного достоинства, оскорбительные жестокость и хамство сильных... Наиболее остро эта проблема ощущается в молодежной среде.

Приведем недавнюю (2010 г.) оценку состояния молодежи: «Для установок значительной части молодежи характерен нормативный релятивизм - готовность молодых людей преступить социальные нормы, если того потребуют их личные интересы и устремления... Обычно такая стратегия реализуется вследствие гиперболизации конфликта с окружением, его переноса на социум в целом. При этом конфликт, который может иметь различные источники, приобретает в сознании субъекта ценностно-ролевой характер и, как следствие этого, ярко выраженную тенденцию к эскалации» [10].

Вот как В.А. Иванова и В.Н. Шубкин характеризуют мнение респондентов в 1999 и 2003 гг.: «Наибольшее число опрошиваемых в 1999 г. назвали среди самых вероятных [угроз] социально-экономические потрясения и проблемы, связанные с общим ощущением несправедливости – снижение жизненного уровня, обнищание (71%), беззаконие (63%), безработица (60%), криминализация (66%), коррупция (58%)...

Усиливается ориентация на готовность к социальному выживанию по принципу «каждый за себя, один Бог за всех». 30% считают, что даже семья, близкое окружение не сможет предоставить им средств защиты, адекватных угрожающим им опасностям, то есть, чувствуют себя абсолютно незащищенными перед угрозами катастроф. Анализ проблемы страхов россиян позволяет говорить о глубокой дезинтеграции российского общества. Практически ни одна из проблем не воспринимается большей частью населения как общая, требующая сочувствия и мобилизации усилий всех» [62].

Дезинтеграция общества, распад человеческих связей с сохранением только семей и малых групп, - это и есть выражение и следствие аномии. Примерно так же описывает «состояние массовой фрустрации» В.Э. Бойков в 2004 г.: «Согласно опроса 2003 г. 73,2% респондентов в той или иной степени испытывают страх в связи с тем, что их будущее может оказаться далеко не безоблачным; 74,6% – опасаются потерять все нажитое и еще 10,4% заявили, что им уже нечего терять; 81,7% – не планируют свою жизнь или планируют ее не более чем на один год; 67,4% – считают, что они совсем не застрахованы от экономических кризисов, которые опускают их в пучину бедности, и 48,3% – чувствуют полную незащищенность перед преступностью; 46% – полагают, что, если в стране все будет происходить как прежде, то наше общество ожидает катастрофа. Заметим, тревожность и неуверенность в завтрашнем дне присущи представителям всех слоев и групп населения, хотя, конечно, у бедных и пожилых людей эти чувства проявляются чаще и острее» [21].

В России возникла массовая бедность, которая институционализировалась – стала необратимой. Более того, в большом числе статей делается тревожное предупреждение о том, что в последнее десятилетие рост средних доходов населения сопровождался относительным и даже абсолютным ухудшением положения бедной части общества. Это происходило из-за массового ухудшения здоровья этой части населения, а также из-за критического износа материальных условий жизни, унаследованных от советского времени.

Можно привести такой вывод: «Хотя в условиях благоприятной экономической конъюнктуры за последние шесть лет уровень благосостояния российского населения в целом вырос, положение всех социально-демографических групп, находящихся в зоне высокого риска бедности и малообеспеченности, относительно ухудшилось, а некоторых (неполные семьи, домохозяйства пенсионеров и т.д.) резко упало» [166].

Мощным генератором аномии стало созданное реформой *«социальное дно»*. Оно сформировалось в России к 1996 г. и составляло около 10% городского населения или 11 млн человек. Вот выводы важного исследования: «В обществе действует эффективный механизм «всасывания» людей на «дно», главными составляющими которого являются методы проведения нынешних экономических реформ, безудержная деятельность криминальных структур и неспособность государства защитить своих граждан» [119].

Крайняя степень депривации – *бездомность*.

И вот выводы социологов: «Всплеск бездомности – прямое следствие разгула рыночной стихии, «дикого» капитализма. Ряды бездомных пополняются за счет снижения уровня жизни большей части населения и хронической нехватки средств для оплаты коммунальных услуг... Бездомность как социальная болезнь приобретает характер хронический. Процент не имеющих жилья по всем показателям из года в год остается практически неизменным, а потому позволяет говорить о формировании в России своеобразного «класса» людей, не имеющего крыши над головой и жизненных перспектив. Основной «возможностью» для прекращения бездомного существования становится, как правило, смерть или убийство» [4].

Общество терпит тот факт, что крайне обедневшая часть населения лишена жизненно важных социальных прав, и в этой нравственной и правовой норме аномия российского общества тотальна. Ведь формулировки социологов абсолютно ясны и понятны: *«Боязнь потерять здоровье, невозможность получить медицинскую помощь даже при острой необходимости составляют основу жизненных страхов и опасений подавляющего большинства бедных»* [45].

Своей бесчувственностью в социальной политике власть вкупе с «бизнесом» создали предпосылки для аномии, которая перемалывает российское общество.

Социальным фактом стало глумление «социальной базы» реформ над тем большинством, которое в ходе реформ было обобрано. Это глумление происходит при

благожелательном попустительстве государства (часто с использованием государственных СМИ). Это – механизм воспроизводства аномии.

Вот пример из практики аграрной реформы в богатейшем Краснодарском крае. Он иллюстрирует ту духовную атмосферу, в которой вызревали сгустки беззакония, как в станице Кущёвской. Случай «мягкий», но красноречивый. Бывший председатель колхоза кубанской станицы Раздольная, на базе которого создан холдинг и руководителем которого он стал, рассуждает: «На всех землях нашего АО (все земли составляют примерно 12800 га) в конце концов останется только несколько хозяев. У каждого такого хозяина будет примерно полторы тысячи га земли в частной собственности. Государство и местные чиновники должны обеспечить нам возникновение, сохранность и неприкосновенность нашего порядка, чтобы какие-нибудь ... не затеяли все по-своему... Конечно, то, что мы делаем – скупаем у них пай кубанского чернозема в 4,5 гектара за две (\$70) и даже за три тысячи рублей (\$100), нечестно. Это мы за бесценок скупаем. Но ведь они не понимают... Порядок нам нужен – наш порядок». Бывшим колхозникам он так объяснил суть этого порядка: «Будет прусский путь! А вы знаете, что такое прусский путь?.. Да это очень просто: это я буду помещиком, а вы все будете мои холопы!» [104].

Совокупность всех этих социальных изменений породила массовый *пессимизм* – предпосылку аномии. Начатые в 80-е годы и продолжаются в настоящее время исследования *социального самочувствия* обнаружили, по словам авторов, «мощную доминанту пессимизма в восприятии будущего России».

Важное массовое проявление аномии - короткие жизненные циклы. В.В. Кривошеев пишет: «Социальное беспокойство, страхи и опасения людей за достигнутый уровень благополучия субъективно не позволяют людям удлинить видение своих жизненных перспектив. Известно, например, что ныне, как и в середине 1990-х годов, почти три четверти россиян обеспокоены одним: как обеспечить свою жизнь в ближайшем году.

Короткие жизненные проекты - это не только субъективная рассчитанность людьми жизненных планов на непродолжительное физическое время, но и сокращение конкретной продолжительности «социальных жизней» человека, причем сокращение намеренное, хотя и связанное со всеми объективными процессами, которые идут в обществе. Такое сокращение пребывания человека в определенном состоянии («социальная жизнь» как конкретное состояние) приводит к релятивности его взглядов, оценок, отношении к нормам и ценностям. Поэтому короткие жизненные проекты и мыслятся нами как реальное проявление аномии современного общества...

В состоянии социальной катастрофы особенно сильно сказалось сокращение длительности жизненных проектов на молодом поколении... В условиях, когда едва ли не интуитивно все большее число молодых людей понимает и понимает, что они навсегда отрезаны от качественного жилья, образования, отдыха, других благ, многие из них стали ориентироваться на жизнь социального дна, изгоев социума. Поэтому-то и фиксируются короткие жизненные проекты молодых» [82].

Одно только это проявление аномии блокирует возможность выработки консолидирующего проекта выхода из кризиса – *люди не хотят думать о будущем*. Любые программы политиков повисают в воздухе, ими практически никто не интересуется, поскольку большинство людей живет в коротком времени, они - временщики.

В.В. Кривошеев поясняет: «Поэтому-то и фиксируются короткие жизненные проекты молодых: наркоману бесполезно внушать, что до 30 лет доживает редкий из наркозависимых людей. Ведь больше жить ему просто не надо, он не видит, не может увидеть перспектив для себя в этой жизни. Не случайно, как свидетельствуют оценки экспертов, по сравнению с 1990 г. в 2002 г. число больных наркоманией в России возросло в 10 раз и достигло более 2 млн. человек. Молодому человеку, который чрезмерно потребляет спиртное, можно сказать, уже спивается, также бессмысленно говорить о жизненных перспективах, «открытости всех дорог». По данным Комитета по

безопасности Государственной Думы в 2007 г. в стране было зафиксировано 65 тыс. алкоголиков, чей возраст не превышал 15 лет.

Укорачивание » жизненных планов затрудняет внутр поколенческое общение, разрушает возможность объединения поколений людей вокруг неких немногих, но весьма важных общих базовых ценностей и установок. Естественно, дистанция между поколениями была и будет всегда. И все же обвальное крушение прежних ценностных предпочтений в начале 1990-х годов вызвало рост отчуждения между поколениями и даже внутри них...

Итак, есть все основания утверждать, что в основе современной дезорганизации российского общества лежит переход к коротким жизненным проектам, что и вызывает аномичное состояние социума, блокирует многие предпринимаемые меры по усилению управляемости социальными процессами, преодолению тяжелых последствий 1990-х годов» [82].

Но крайнее выражение аномии – рост преступности (особенно с применением насилия) и числа самоубийств. Положение, несмотря на очень благоприятную экономическую конъюнктуру 2000-2008 годов, тяжелое. Главной причиной всплеска преступности стали социальные и культурные изменения в ходе реформы. В этом В.В. Кривошеев видит необычность воздействия реформы: «Специфика аномии российского общества состоит в его небывалой криминальной насыщенности. ... *Криминализация общества – это такая форма аномии, когда исчезает сама возможность различения социально позитивного и негативного поведения, действия...*

Криминализация на поведенческом уровне выражается и в ускоренной подготовке резерва преступного мира, что связывается нами с все большим вовлечением в антисоциальные действия молодежи, подростков...

Роль среднего класса в наших условиях фактически играют определенные группы преступного социального мира. Традиционные группы, из которых складывается средний слой (массовая интеллигенция, верхние слои других групп наемного труда и т.д.), в российском обществе ни по своему статусному, ни по своему материальному положению не могут претендовать на позицию в нем» [83].

Такое состояние сознания и всей духовной сферы больших масс населения на всех этажах социальной иерархии – тяжелая национальная болезнь. Подрывая всякую возможность рационального общественного диалога и преемственности поколений, она уже стала фундаментальным ограничением любых проектов восстановления и развития.

Эта общая беда должна стать одним из приоритетных пунктов в национальной повестке дня. Культурная травма реформ и порожденная ими аномия не вылечиваются сами собой, эти повреждения вошли в режим самовоспроизводства, разрушающий любые зародыши нового порядка в хаосе наших реформ. Избавиться от этой патологии можно только через большой национальный проект и государственную программу лечения и реабилитации общества.

Лекция 16. Кризис легитимности

Кризис, в который втянулась Россия в конце XX века, называют системным. Это значит, что повреждены все системы страны, она больна. Едва ли не главная опасность, порожденная болезнью – возможный распад страны и почти полная утрата суверенитета ее осколками.

Нынешняя Россия (РФ) – система переходная, в неустойчивом равновесии. В ней сегодня одновременно идут процессы распада и укрепления. Куда качнутся весы – зависит и от власти, и от всех нас. Одним из главных факторов здесь является **легитимность** государственной власти. Самая непосредственная угроза для России как раз и заключается в том, что утрата легитимности может достичь критической, пороговой точки, за которой начнется лавинообразный процесс разрушения власти.

В эти моменты возникает опасность свержения самой власти и глубокого изменения типа государственности. Это совсем не то же самое, что “дворцовые перевороты”. При наличии противоречий внутри правящей верхушки иногда возникают нештатные ситуации и замена одной группировки на другую (как например, при снятии Н.С. Хрущева в СССР в 1964 г.), но они практически не затрагивают общества. Проблема возникает, когда «правлящие силы» решают целиком заменить властную команду на другую, с иной программой, более подходящей этим «правлящим силам».

Когда смена этой команды не вызывает открытого столкновения интересов конфликтующих сил, так что удается найти компромисс, она проходит гладко. Особенно легко это происходит в президентских республиках, ибо с одним человеком можно легче договориться или его запугать. Для его замены не требуется дорогостоящих операций типа “революции”. Впрочем, при современных технологиях и революции производятся за сравнительно небольшую цену, а эффект дают большой (как это мы видели в Грузии, на Украине или в Ливии).

Стабильность власти не может быть обеспечена только средствами *принуждения* (в том числе с помощью насилия), для неё необходима *вера* в законность власти. Никколо Макиавелли - политик и мыслитель Возрождения (XV-XVI века) - первым из теоретиков государства заявил, что власть держится на *силе* и *согласии* (эта концепция получила название «макиавеллиевский кентавр»). Отсюда вытекает, что «Государь» должен непрерывно вести особую работу по завоеванию и удержанию активного благожелательного *согласия* подданных.

Прежде всего, уточним понятия. *Легитимность* как условие устойчивости власти - это совсем не то же самое, что ее *законность* (легальность), т.е. формальное соответствие законам страны. Формально законная власть еще должна приобрести легитимность, обеспечить свою легитимизацию, то есть «превращение власти в *авторитет*».

Эта проблема возникла в Новое время (*модерн*), в процессе становления *гражданского* общества и *национального* государства. В традиционном обществе власть монарха формально получала легитимизацию от Церкви, уполномоченной толковать Божественное Откровение. Она удостоверяла статус короля как «помазанника Божия», и большую роль в признании его власти играла *вера*, а аргументы, идущие от разума, даже признавались неуместными. Впрочем, и рациональный расчет подсказывал, что стабильность порядка в том обществе была большой ценностью – периодические смуты это наглядно подтверждали. После них население начинало даже *любить* ту силу, которая была способна восстановить государственную власть и порядок.

Как же определяют, в двух словах, суть легитимности ведущие ученые в этой области? Примерно так: легитимность – это убежденность большинства общества в том, что данная власть действует во *благо народу* и обеспечивает *спасение страны*, что эта власть сохраняет главные ее ценности. Такую власть уважают (разумом), а многие и любят (сердцем), хотя при всякой власти у каждого отдельного человека есть основания для недовольства и обид.

Вполне законная власть, утратив авторитет, теряет свою легитимность и становится бессильной. Если на политической арене есть конкурент, он эту законную, но бессильную власть устраняет без труда. Так произошло в феврале 1917 г. с российской монархией, так же произошло в октябре 1917 г. с Временным правительством. Никого тогда не волновал вопрос законности его формирования – оно не завоевало авторитета и не приобрело легитимности. Его попросили «очистить помещение», и в тот вечер даже театры в Петрограде не прервали спектаклей (уже потом Эйзенштейн снял героический фильм – матросы, ворота, стрельба). На наших глазах за три года утратил легитимность режим Горбачева – и три человека собрались где-то в лесу и ликвидировали СССР.

Наоборот, власть, завоевавшая авторитет и ставшая легитимной, тем самым приобретает и законность – она уже не нуждается в формальном обосновании. О «незаконности» власти (например, советской) начинают говорить именно тогда, когда она утрачивает авторитет, а до этого такие разговоры показались бы просто странными.

Вернемся в прошлое и вспомним, как завоевала легитимность советская власть (как теперь говорят, в результате «октябрьского переворота»).

Еще родители ныне живущих стариков пережили русскую революцию и многое рассказали детям, много воспоминаний осталось и в текстах. Тогда в Гражданской войне погибло очень много людей (с вескими доводами говорят о 12 миллионах человек). Подавляющее большинство (более 9/10) погибли не от «красной» или «белой» пули, а от тифа, от хаоса, от слома жизнеустройства. Прежде всего, от слома государства и хозяйства. Развал государства как силы, охраняющей право и порядок, выпустил на волю демона «молекулярной войны» - взаимоистребления банд, групп, соседских дворов без всякой связи с каким-то политическим проектом.

Когда читаешь документы того времени, дневники и наблюдения, то получается, что масса обывателей перешла на сторону красных потому, что они сумели остановить, *обуздать* революцию и реставрировать *государство*. Это настолько не вяжется с официальной историей, что вывод кажется невероятным. «Государственный» инстинкт, которым не обладали либералы, проявился у Советов сразу. В первые же дни Февральской революции была ликвидирована полиция, из тюрьмы выпущены уголовники, и город жил под страхом массовых грабежей. Временное правительство создало милицию из студентов-добровольцев, а Совет — милицию из рабочих, фабрично-заводские комитеты обязаны были отрядить в милицию каждого десятого рабочего. Было очевидно, что основную работу по наведению порядка выполнила рабочая милиция – орган Совета.

Для населения важным был тот факт, что большевики смогли установить в Красной Армии более строгую дисциплину, чем в Белой. В Красной Армии была гибкая система воспитания бойцов и действовал принцип круговой поруки (общей ответственности подразделения за проступки красноармейца, особенно в отношении населения). Белая армия не имела для этого ни сил, ни идей, ни морального авторитета – дисциплинарные механизмы старой армии перестали действовать. М.М. Пришвин, *мечтавший* о приходе белых, 4 июня 1920 г. записал в дневнике: «Рассказывал вернувшийся пленник белых о бесчинствах, творившихся в армии Деникина, и всех нас охватило чувство радости, что мы просидели у красных».

М.М. Пришвин был противником большевиков, но либералом, т.е. человеком широких взглядов. А вот свидетельство человека правых взглядов (близкого к октябристам) – А.В. Бабина (в эмиграции Алексис Бабине). В 1988 г. в Англии вышел его «Дневник русской гражданской войны. Алексис Бабине в Саратове. 1917-1922». Он пишет о бытовой стороне гражданской войны, вплоть до подсчета оружейных выстрелов и пулеметных очередей. Из его дневников становятся ясны масштабы «стихийного» насилия в обстановке хаоса, агонии старой государственности. Рецензенты книги отмечают: «Разумеется, автор не смог скрыть своих политических симпатий. Они не на стороне большевиков... Но, странное дело, Бабин отмечает и оказываемую им поддержку со стороны «добропорядочных» граждан Саратова накануне перехода власти к Советам и

неожиданные симпатии к новым правителям со стороны «ультраконсервативной» университетской профессуры».

Да, у множества «ультраконсервативных» буржуа и профессоров инстинкт жизни пересиливал их классовую ненависть. Н.А. Бердяев писал: «России грозила полная анархия, анархический распад, он был остановлен коммунистической диктатурой, которая нашла лозунги, которым народ согласился подчиниться». Даже крестьяне, которые испытывали тяготы продразверстки, поддерживали красных. По мнению американского историка продразверстки Л.Т. Ли, только большевики смогли создать работоспособный аппарат продовольственного снабжения и тем укрепили свою власть. Более того, вопреки созданному нашими демократами ложному представлению, продразверстка (из которой, а не *вопреки* которой вырос и продналог), укрепила авторитет большевиков и среди крестьян. Крестьяне, как пишет Л.Т. Ли (1990), «поняли, что политическая реконструкция [восстановление государства] – это главное, что необходимо для прекращения смутного времени, и что большевики – это единственный серьезный претендент на суверенную власть».

Угроза новой смуты, созданная внутривластным расколом в 20-е годы после смерти Ленина, заставила массы поддержать (и «полюбить») Сталина, который эту угрозу устранил жестокими средствами. За что люди ценили Путина? За то, что он подморозил разгул «лихих 90-х», завел Великий поход ельцинизма в бюрократическое болото и даже как будто загнал часть расплодившихся бесов в бутылки. Болезнь не вылечили, но температуру слегка сбили, и это немало - мы получили резерв времени, есть шанс, что и врач придет.

Культурная гегемония власти и кризис легитимности

Выше был приведен постулат Макиавелли, согласно которому государство стоит *на силе и согласии*. Положение, при котором достигнут достаточный уровень согласия граждан с властью, Антонио Грамши называет *культурной гегемонией*. По его словам, «государство является гегемонией, облеченной в броню принуждения». Таким образом, принуждение – лишь броня гораздо более фундаментального содержимого. Более того, гегемония предполагает не просто согласие, но *благожелательное* (активное) согласие, при котором граждане желают того, что требуется власти (шире – господствующему классу). Грамши дает такое определение: «Государство – это вся совокупность практической и теоретической деятельности, посредством которой господствующий класс оправдывает и удерживает свое господство, добиваясь при этом активного согласия руководимых».

Если главная сила государства и основа власти – гегемония, то вопрос стабильности политического порядка и, напротив, условия его слома (революции) сводится к тому, как достигается или подрывается гегемония. Кто в этом процессе является главным агентом? Каковы «технологии» процесса? Гегемония – не застывшее, однажды достигнутое состояние, а динамичный, непрерывный процесс. Ее надо непрерывно обновлять и завоевывать.

Гегемония опирается на «*культурное ядро*» общества, которое включает в себя совокупность представлений о мире и человеке, о добре и зле, множество символов и образов, традиций и предрассудков, знаний и опыта. Пока это ядро стабильно, в обществе имеется «устойчивая коллективная воля», направленная на сохранение существующего порядка.

Для подрыва гегемонии надо воздействовать не на теории противника и не на главные идеологические устои власти, а на обыденное сознание, на повседневные, «маленькие» мысли среднего человека. И самый эффективный способ воздействия – неустанное повторение одних и тех же утверждений, чтобы к ним привыкли и стали принимать не разумом, а на веру. Это — не изречение некой истины, которая совершила бы переворот в сознании, какое-то озарение. Это «огромное количество книг, брошюр, журнальных и

газетных статей, разговоров и споров, которые без конца повторяются и в своей гигантской совокупности образуют то длительное усилие, из которого рождается коллективная воля определенной степени однородности, той степени, которая необходима, чтобы получилось действие, координированное и одновременное во времени и географическом пространстве».

Главное действующее лицо в установлении или подрыве гегемонии – *интеллигенция*. Именно создание и распространение идеологий, установление или подрыв гегемонии того или иного класса – главный смысл существования интеллигенции в современном обществе.

Учение Грамши о гегемонии стало важной главой в современной политологии. Исходя из положений этой теории была «спроектирована» и гласность в СССР как программа по подрыву гегемонии советского строя. Когда «кризис гегемонии» созрел и возникает ситуация «войны», нужны уже, разумеется, не только «молекулярные» воздействия на сознание, но и быстрые целенаправленные операции, особенно такие, которые наносят сильный удар по сознанию, вызывают шок (типа провокации в Румынии в 1989 года или «путча» в Москве в августе 1991 года). Эти открытые действия по добыванию власти, утратившей культурную гегемонию, ведут, согласно концепции Грамши (в отличие от Маркса), не классовые организации, а *исторические блоки* – временные союзы **внутренних** и внешних сил, объединенных конкретной краткосрочной целью свержения власти. Эти блоки собираются не по классовым принципам, а ситуативно, и имеют динамический характер. Их создание и обновление – важная часть политической деятельности³.

По Грамши, и установление, и подрыв гегемонии – процесс «молекулярный». Он протекает не как столкновение классовых сил (Грамши отрицал механистические аналогии, которые привлекает исторический материализм), а как невидимое изменение мнений и настроений в сознании людей. Грамши подчеркивает, что «гегемония, будучи этико-политической, не может также не быть экономической». Но он уходит от «экономического детерминизма» истмата, который делает упор на базисе, на отношениях собственности.

В послевоенные годы в социальных и гуманитарных науках Запада (в основном, США) были достигнуты важные результаты в исследовании духовной сферы человека. На их основе возникли новые технологии целенаправленной дестабилизации и смены власти в самых разных странах без прямого насилия (т.н. «бархатные» революции) или с минимальным использованием насилия. За последующие годы эти технологии были доведены до высокой степени точности и надежности и применены в Сербии и на территории бывшего СССР в республиках, тесно связанных с Россией (в Грузии и на Украине). В этих технологиях «молекулярная агрессия» производилась не в сферу рационального, а в сферу чувств и воображения.

Иррациональные установки владели умами интеллигенции и рабочих уже во время «бархатных» революций в странах Восточной Европы. Широко известно изречение А. Михника: «Мы отлично знаем, чего не хотим, но чего мы хотим, никто из нас точно не знает».

Подобный слом произошел в СССР в конце 80-х годов. Поведение огромных масс населения нашей страны стало на время обусловлено не разумным расчетом, не «объективными интересами», а именно всплеском коллективного бессознательного. Это поведение казалось той части народа, которая психозом не была захвачена, непонятным и

³ Например, в последние два года в Москве подрывом легитимности «режима Путина» занимается «исторический блок», в котором национал-большевик Лимонов обнимается с антикоммунистом Каспаровым, а соратник Ельцина Немцов – с лидером Авангарда красной молодежи Удальцовым.

необъяснимым. В некоторых частях сломанного СССР раскачанное идеологами коллективное бессознательное привело к крайним последствиям.

Этому служил и самиздат, и передачи специально созданных на Западе радиостанций, и массовое производство анекдотов, и работа популярных юмористов или студенческое движение КВН в СССР. Массовая «молекулярная» агрессия в духовную сферу велась непрерывно и подтачивала культурное ядро.

Вершиной этой «работы по Грамши» была, конечно, перестройка в СССР («грамшианская революция»). Она представляла собой интенсивную программу по разрушению идей-символов, которыми легитимировалось *идеократическое* советское государство. Мир символов упорядочивает историю народа, общества, страны, связывает в нашей коллективной жизни прошлое, настоящее и будущее. В отношении прошлого символы создают нашу общую память, благодаря которой мы становимся народом. В отношении будущего символы соединяют нас в народ, указывая, куда следовало бы стремиться и чего следовало бы опасаться. Тем свойством, благодаря которому символы выполняют свою легитимирующую роль, является *авторитет*. Символ, лишенный авторитета, становится разрушительной силой - он отравляет вокруг себя пространство, поражая целостность сознания людей.

Поскольку советское государство было идеократическим, его легитимизация и поддержание гегемонии опирались именно на авторитет символов и священных идей, а не на политический рынок индивидуального голосования. Во время перестройки идеологи перешли от «молекулярного» разъедания мира символов, который вели «шестидесятники», к его открытому штурму. Этот штурм был очень эффективным.

Как видно из учения о гегемонии, любое государство, в том числе прогрессивное, может не справиться с задачей сохранения своей культурной гегемонии, если исторический блок его противников обладает новыми, более эффективными средствами агрессии в культурное ядро общества. Это драматическим образом показали свержения режимов даже больших арабских стран – при практически полном отсутствии рациональных требований социального порядка.

В принципе, теперь для свержения власти требуется лишь создание обширной зоны *недовольства*. У каждого человека есть причины для недовольства властью, и в его духовной системе оно занимает какое-то место – у кого побольше, у кого поменьше. В памяти, в разуме, в эмоциях и пр. А остальное пространство заполнено лояльными установками и зонами уважения и даже любви. Поскольку личная жизнь разных людей различается, по одному и тому же предмету один человек может быть недоволен, а другой согласен с властью – она правильно решила! В сумме зоны недовольства одних частично компенсируются положительными оценками у других, и баланс недовольства и согласия по данному вопросу несильно сдвинут в ту или иную сторону.

Россыпь мелких групп людей, выражающих недовольство по множеству каких-то частных вопросов, не становится политической силой, она не выражает «мнения народного». Но культурологи и социологи нашли способы «канализировать» недовольство, особенно плохо осознанное, на другой предмет. Недавно все мы были свидетелями того, как население СССР, чувствуя с 1987-89 гг. острое недовольство и тревогу ввиду назревающего кризиса, вдруг сконцентрировало свои негативные эмоции на *номенклатуре*. В ней все увидели коллективного врага, виновника всех реальных и вымышленных бед, и вся россыпь людей и группок, недовольных разными сторонами жизни, сплотилась в общественную силу, которая пошла на штурм против советского государства.

Мифические льготы номенклатуры были восприняты как такое нестерпимое зло, которое можно было избыть только свержением власти. Эта ненависть не была рациональной – к олигархам, которые гораздо больше заслужили такое отношение, ненависти население не испытывает. Причина в том, что нет влиятельных сил, которые

дали бы заказ СМИ создать образ олигархов как *зло*, канализировать на них все виды недовольства, убедить население «сорвать зло на олигархах»⁴.

Одним из самых удобных предметов, предоставляющих возможность слепить «сгусток невыносимого зла», являются выборы, особый ритуал современного общества. Таким злом, которое никого не оставляет равнодушным, оказывается *фальсификация подсчета голосов*. Она может быть реальной или вымышленной, но если в нее поверила значительная группа, она сплачивается для борьбы. Это явление изучено досконально и положено в основу важных политических технологий.

Современное общество называют «обществом спектакля». Выборы - особый вид театрализованного ритуала, особенное если «подогреть». Антропологи, изучавшие первые выборы в странах, освободившихся от колониальной зависимости, видят в спектакле выборов перенесенный в современность ритуал древнего театрализованного государства, отражающий космический порядок, участниками которого становятся подданные. Антрополог С. Тамбиа пишет: «Идея театрализованного государства, перенесенная и адаптированная к условиям современного демократического государства, нашла бы в политических выборах поучительный пример того, как мобилизуются их участники и как их преднамеренно подталкивают к активным действиям, которые в результате нарастающей аффектации выливаются во взрывы насилия, спектакли и танцы смерти до, во время и после выборов. Выборы - это спектакли и соревнования за власть. Выборы обеспечивают политическим действиям толпы помпезность, страх, драму и кульминацию. По существу, выборы служат квинтэссенцией политического театра» [135, с. 227]⁵.

Интернет и структурирование его аудитории позволили соединять группы, которые культивируют самые разные, даже совершенно противоположные поводы недовольства, канализируя эти недовольства на *зло фальсификации выборов*. Это захватывает почти всех, даже тех, кто не ходил на выборы и не знает, чем различаются программы разных партий. Украли голоса! Это невыносимое оскорбление любому честному человеку. С

⁴ Надо учесть, что объективно существующая социальная ситуация воспринимается как *зло* и вызывает недовольство (вплоть до невыносимого) лишь после того, как человек испытает достаточно сильное общественное воздействие, которое и убедит его в том, что перед ним – *зло*. Американский социолог Дж. Александер пишет: «Для того, чтобы травматическое событие обрело статус зла, необходимо его *становление* злом... Холокост никогда не был бы обнаружен, если бы не победа союзных армий над фашизмом». Недовольство социальным порядком – не биологическая реакция нашего организма, а продукт культуры, и мы видим, как быстро могут меняться отношения к общественным явлениям в зависимости от работы «агентов влияния» (в широком смысле слова).

⁵ Ритуалы выборов, ведущие к насилию, вовсе не являются извращением принципов демократии. Антропологи считают, что это и есть *действительная* суть западной демократии, скорректированная реальностью государств переходного типа (это иногда называют «парадоксом Уайнера», смысл которого состоит в том, что именно демократические процедуры, а не их искажение, и порождают насилие). Такой и была технология западной демократии, в чистом виде представленная Французской революцией. От нее ушёл сам *Запад*, но под его давлением её *вынуждены применять зависимые от него страны*.

С. Тамбиа пишет: «Французская революция сделала толпу непреходящей политической силой, поскольку взятие Бастилии стало стереотипным образом политики толпы. С этого момента политические доктрины демократии должны были говорить непосредственно о народе, за или против него, а правительства были вынуждены разрабатывать способы управления воинствующей толпой, символизирующей власть народа, и им, как и интеллигенции, предстояло усвоить эту идею в качестве центральной темы социальных и политических теорий» [135, с. 231].

помощью Интернета и координирующих структур удастся собрать на митинги и демонстрации разные и даже враждебные друг другу «протестные группы» так, чтобы они не смешивались и не дрались между собой, а все направляли свою протестную энергию против одного конкретного врага (например, на «власть, которая фальсифицировала выборы»). Если удастся заполучить и международный запрет на какие-либо репрессии против «народа» со стороны власти, устоять ей оказывается очень трудно, даже если число протестующих поначалу очень мало (0,1-0,5% населения столицы).

В ситуации возникшего конфликта к «мобилизованному» недовольству «всех» добавляются новые источники еще более острого недовольства властью: часть населения проклинает власть (лишает ее легитимности) за то, что она, боясь международных наблюдателей, не разрешает полиции пресечь грабежи и воровство шаек «народа» в бедных районах. В это время другая часть населения проклинает власть за то, что полиция лупит дубинками подростков, которые жгут автомобили в богатых районах. А у владельцев автомобилей всегда есть веские основания для недовольства. Так страна погружается в тяжелый кризис, и никакая власть долгое время не может обрести достаточной легитимности. Уже через год такого состояния экономика лежит в руинах, и сюда устремляются мародеры из «развитых стран».

Особые проблемы с легитимностью возникают в ситуациях глубоких (тем более, системных) кризисов и следующих за ними «переходных» периодов. Таков именно случай нынешней России особенно после краха прежней государственности – советской. Последний состав государственного руководства очевидно не смог обеспечить сохранения страны (СССР) и народа (советского народа). Эти системы распались, их осколки переживали социальное и культурное бедствие – Ясно, что легитимность прежнего государства была утрачена полностью.

Новое государство должно было обрести свою легитимность, продемонстрировав способность обеспечить выживание и развитие страны и народа. Этой задачи государство РФ в 90-е годы решить не смогло. Выживание держалось «на ниточке», а процессы угасания систем жизнеобеспечения были на виду.

В социологических и политологических работах, исследующих вопросы теории переходного периода, можно встретить множество утверждений о том, что вопрос о легитимности руководства страны в такие периоды является наиболее важным, ибо без политической стабильности осуществляемые реформы успешными быть не могут.

Социолог Р. Дарендорф писал, что понятие «эффективность» предполагает, что правительство должно быть в состоянии выполнить как то, что оно обязалось сделать, так и то, что от него ожидает общество. Легитимность же предполагает общественную поддержку действий властей, восприятие действий правительства как правильных, обоснованных, нравственно оправданных.

То есть, *эффективность* и *легитимность* взаимосвязаны, хотя правительства могут быть эффективными, не будучи легитимными, (как это бывает в тоталитарных режимах). Однако и первоначально легитимное, но не эффективное руководство быстро утрачивает легитимность (пример – Временное правительства в России в 1917 году). Кризис эффективности обычно выражается в неспособности правительства справиться с инфляцией, безработицей, спадом производства и т.д.

Можно утверждать, что правительства РФ в 1992-1998 гг. обладали очень слабой легитимностью и еще более низкой эффективностью (если исходить из интересов целого, а не отдельных миноритарных групп типа олигархов или коррумпированных чиновников). Но тем не менее государство при Ельцине просуществовало целый исторический период! Здесь можно высказать такую гипотезу: бывают ситуации бедствия, когда о легитимности и речи не идет, но политический режим таков, что он, заведомо не обеспечивая выживания народа и страны, *притормаживает* процесс разрушения. И население, рассмотрев наличные варианты конфигурации власти, приходит к выводу, что данный режим ведет страну к гибели, но *медленнее*, чем это сделали бы другие властные команды – возможно,

даже гораздо более нравственные и патриотичные, чем данный коррумпированный антинародный режим. Он оказывается более *эффективным*. Не дай бог попасть в такую ситуацию, когда выбирать приходится из двух вариантов: сразу умереть или помучиться. Конечно, «желательно помучиться».

Деградация легитимности режима Ельцина имела целый комплекс причин. Наименее вескими, видимо, были в тот момент действия оппозиции – она не успела выработать ни языка, ни доктрины действий в сфере культурной гегемонии. Свой авторитет подрывали сами реформаторы. Не будем описывать всю эту историю, заметим один фактор, который надо иметь в виду. Программа свержения прежнего режима обладает инерцией, и погасить ее – важная задача, иначе новая власть продолжает подпиливать основы уже своей легитимности (в советской революции этому придавали большое значение, и все равно переход от разрушения к государственному строительству был очень трудным – здесь были заложены ряд конфликтов, закончившихся репрессиями 30-х годов).

После 1991 года об этом даже не думали – подрыв государственности продолжался и даже усиливался. В принципе, весь антисоветский проект, начиная с 60-х годов, опирался на присущее обывателю чувство неприязни к *бюрократу* (чиновнику). Чувство вполне понятное, хотя в норме контролируемое разумом. Возбуждено это чувство в российской элите было, видимо, на волне либерально-демократического антиимперского движения в XIX в., а затем усилено марксизмом. Не раз пускались в ход изречения Маркса о государстве типа: «централизованная государственная машина, которая своими вездесущими и многосложными военными, бюрократическими и судебными органами опутывает (обвивает), как удав, живое гражданское общество».

К концу 20-х годов антигосударственное чувство было подавлено, особенно непримиримо в ходе борьбы с концепцией «перманентной революции». Антигосударственная «оттепель» Хрущева также большого успеха не имела. Но большой антигосударственной программой стала перестройка. Ее надо вспоминать и изучать, тем более что дело ее продолжается. По своей крайней *антигосударственности* это была небывалая операция.

В программе перестройки была поставлена цель *разгосударствления* - всего и вся. Одним из главных мотивов в программе манипуляции сознанием была ненависть к работникам госаппарата. Не отрицалось, конечно, что в любом государстве есть бюрократия, но по умолчанию считалось, что наши чиновники хуже западных. В книге-манифесте «Иного не дано» Л. Баткин, призывая к «максимальному разгосударствлению советской жизни», задает риторические вопросы: «Зачем министр крестьянину - колхознику, кооператору, артельщику, единоличнику?.. Зачем министр заводу, действительно перешедшему на хозрасчет и самофинансирование?.. Зачем ученым в Академии наук - сама эта Академия, ставшая натуральным министерством?» [12, с. 176].

В лозунге «Не нужен министр заводу!» - формула проекта тотального разжижения общества, превращения России в бесструктурное образование.

Крайними антигосударственниками были «младореформаторы» ельцинского призыва. Видный деятель этого режима Е. Гайдар так выражает их кредо, представляя историю России как сплошное «красное колесо» (1995): «В центре этого круга всегда был громадный магнит бюрократического государства. Именно оно определяло траекторию российской истории... Необходимо вынуть из живого тела страны стальной осколок старой системы. Эта система называлась по-разному – самодержавие, интернационал-коммунизм, национал-большевизм, сегодня примеривает название «державность». Но сущность всегда была одна – корыстный хищнический произвол бюрократии, прикрытый демагогией» [32]. И это пишет премьер-министр!

После 2000 года антигосударственное чувство используется как эмоциональная поддержка программы по подрыву легитимности уже нынешней государственности России. В своем почти последнем интервью архитектор перестройки А.Н. Яковлев указал врага: «Меня тревожит наше чиновничество. Оно жадное, ленивое и лживое, не хочет

ничего знать, кроме служения собственным интересам. Оно, как ненасытный крокодил, проглатывает любые законы, оно ненавидит свободу человека... Я уверен: если у нас и произойдет поворот к тоталитаризму, то локомотивом будет чиновничество. Распустившееся донельзя, жадное, наглое, некомпетентное, безграмотное сборище хамов, ненавидящих людей» [157].

Будучи антигосударственниками, реформаторы 90-х годов подорвали и другое основание своего авторитета – дискредитировали идею *демократии*. Они быстро скатились к авторитарным формам правления при очевидной антисоциальной направленности. Согласно опросам, в 1989 г. 38% студентов верили, что демократия — это власть народа. В 1990 г. таких осталось 28%, а в октябре 1991 г. — 9%. На вопрос «Куда движется наше общество в настоящее время?» самые частые ответы среди студентов были такие: «к гражданской войне» — 17%; «к капитализму» — 15%; «к катастрофе» — 14%.

Проблема легитимности политической системы Российской Федерации

90-е годы были годами неявной гражданской войны, в которой подавляющее большинство населения («старые русские») потерпело поражение и было обобрано победителями. Большинство ввергли в бедность и страх, поломали жизненные планы, трудовую этику, систему легальных доходов. Повредили и те институты, которые воспроизводили народ – школу, медицину, армию, науку. Как уже говорилось, народ был в большой мере «разобран» и парализован.

Тогда государство выступило на стороне «новых русских», что к середине 90-х годов стало очевидно абсолютно всем. Это выразилось в беспрецедентном падении доверия к президенту (рейтинг 2%) и в столь же беспрецедентной попытке парламента объявить ему импичмент с обвинением в «геноциде народа собственной страны».

Настоящий момент В.В. Путин определил так: *мы живем в условиях, созданных развалом великой страны*. Российская Федерация – государство *постсоветское*. Значит, нельзя говорить, что оно уже сформировалось, приставка «*пост-*» означает, что мы пребываем в переходном периоде и действуем в рамках ограничений, заданных катастрофой краха СССР. Современная Россия и в формационном плане является государством переходного типа, ее общественный строй еще не устоялся, возникшие в 90-е годы производственные отношения с большой натяжкой можно отнести к капитализму, в социальной системе законсервированы многие структуры советского типа, хотя в сильно подорванном и деформированном состоянии.

Российское государство еще не «готово», замораживать нашу государственную систему рано. Она – строится, и возникающие на стройплощадке зоны хаоса обладают творческими потенциями, хотя и таят в себе угрозы. В этих условиях *легитимизация* есть чрезвычайная и актуальная задача государства.

Актуальность определена тем, что Россия слишком долго, уже двадцать лет, живет в состоянии нестабильного равновесия, которое испытывает давление извне в геополитических целях – при наличии внутри страны влиятельных сил, также заинтересованных в дестабилизации. Предпосылки для этого имеют системный характер, они представляют собой взаимосвязанные «дремлющие» (латентные) кризисы социальных и национальных отношений, деградацию систем жизнеобеспечения, безопасности и культуры, быстрые изменения в массовом сознании и смену поколений в условиях культурного и социального кризисов.

Созревание всех частных кризисов и соединение их в систему с переходом в качественно новое состояние есть результат стратегического политического выбора, принятого властной бригадой Б.Н. Ельцина в целях разрушения советской системы. Маховик разогнали так, что он и после 2000 года продолжает крушить государство постсоветской России.

После 2000 г. новая властная верхушка РФ попыталась «приподнять» страну в рамках коридора, заданного вектором «рыночной» реформы. То есть, не входя в серьезный

конфликт ни с порожденным реформой слоем «новых собственников», ни с Западом. В результате произошло некоторое перераспределение собственности и национального богатства, некоторое увеличение потока ресурсов, направляемых в экономику России и на потребление граждан. Величины это не слишком большие, но улучшение ряда показателей очевидно.

Это имело большой положительный эффект – успокоило людей, сказало на здоровье, пробудило оптимизм, что само по себе есть важный фактор в преодолении кризиса. Однако, улучшения в «потоке» не были сопряжены с улучшениями в «базе». Даже более того, улучшения во многом были достигнуты через проедание «базы» – проблемы перекладывались на плечи следующего поколения. В результате переломить ход событий и преодолеть кризис легитимности не удалось – даже при очень высоком рейтинге самого В.В. Путина.

Известно, что мобилизующее воздействие символического ресурса (скажем, харизмы президента), не соединившееся до определенного срока с «материальным» организующим действием, начинает угасать. Те, кто «поверил» в В.В. Путина, ожидали от государства действий, которые надежно блокировали бы возникшие и нарастающие угрозы России. Такие действия были разрозненными и не соединились в программу, а динамика угроз была неблагоприятна. Задержка с началом программы реальных действий размыла созданный за первый срок «сгусток» легитимности, и это стало все больше и больше затруднять выработку и реализацию программы развития. Симптомом был тот факт, что президент обладал личным авторитетом, но правительство, то есть орган выработки и реализации реальных программ, авторитета, в общем, не приобрело. Схема «добрый царь, злые министры» – средство аварийное и кратковременное. Его отказ вызывает лавинообразное падение авторитета власти. Строго говоря, уже и «национальные проекты» были двинуты как резерв главного командования, но фронта они не удержали. Положение осложнил кризис 2008 года, и влияние его на состояние легитимности, в общем негативно.

Успех В.В. Путина на символическом фронте маскировал тот факт, что на «реальном» фронте продолжалось отступление. От ельцинизма в наследство были получены главные системы жизнеобеспечения страны в изношенном и даже полуразрушенном состоянии – ЖКХ и школа, промышленность и сельское хозяйство, наука и армия. В 90-е годы их пытались демонтировать и эксплуатировали на износ, а пороговый момент этого износа наступил уже после ухода Ельцина. Темпы деградации приобрели ускорение примерно к 2005 году, и процесс этот приобрел массивный, неумолимый характер.

Масштабы потерь и дыр, которые надо затыкать в чрезвычайном режиме, несравнимы с теми средствами, которые может мобилизовать государство при нынешней хозяйственной системе. Власть об этом вообще не говорит, это табу. Попробуйте прикинуть, сколько стоит сегодня капитально отремонтировать ветхий и аварийный жилищный фонд страны! Сколько стоит срочно переложить полностью изношенную часть теплосетей! Люди не представляют, каковы масштабы этой задачи и сколько стоит, например, замена одного километра теплотрассы. А сколько стоит восстановление изношенного тракторного парка страны или вырезанного более чем наполовину отечественного стада скота? Сколько стоит приобретение заново всего морского флота?

Достаточно взглянуть на динамику самых критических показателей, чтобы понять, перед какой задачей встало государство именно в тот момент, когда люди вновь стали возлагать на него надежду. Динамика старения промышленного оборудования РФ за последние 10 лет не изменилась – несмотря на то, что на Россию пролился золотой дождь нефтедолларов. Труднее оценить, но, Судя по всему, в том же темпе идет и эрозия кадрового потенциала страны.

Никто и не ставил это в вину команде В.В. Путина, страна провалилась в такое состояние уже к середине 90-х годов. А вот нахождение способа вылезти из этой ямы считали обязанностью В.В. Путина и его команды. И когда обществу стали представлять

«стратегические программы» развития, написанные то ИНСОРОм, то ГУ ВШЭ, с их беспомощными и антисоциальными установками, легитимность власти быстро пошла вниз.

Вторая проблема заключается в том, что структура «улучшений» и распределения ресурсов в «период В.В. Путина» соответствовала доктрине «анклавного» развития территории России. Иными словами, не предполагалось восстановления отечественного хозяйства как целостной системы, а был взят курс на создание островков «модерна и постмодерна» в море архаизации. Мы видим – Регионы расходятся по разным цивилизационным нишам. Связность страны утрачивается просто потому, что уклады жизни людей в разных частях уже не соединяют их. Разница между регионами в среднем доходе на душу в 12 раз означает распад страны, даже если она формально не расчленяется. Да, положение улучшается – в середине 90-х годов разница была почти 16 раз. Но ведь стабилизация происходит на уровне, несовместимом с единством страны.

Из этого вытекает как следствие, что вектор событий последних десяти лет не ведет к системе социального жизнеустройства, которое обеспечивает выживание народа и страны. В РФ после 2000 года преодоление кризиса легитимности затруднено тем, что власти не удалось разорвать пуповину с ельцинизмом. В символической сфере «режим Путина» остается заложником этой зависимости.

Отягчающим фактором стало то, что государственность России резко ослаблена *коррупцией*. Во времена Ельцина коррупция считалась временным явлением революционного хаоса, а в 2000-е годы была буквально «введена в рамки закона», стала, как теперь принято говорить, системной и даже *системообразующей*. Теневые потоки денег идут к коррумпированным чиновникам по установленным каналам автоматически.

Коррупция подрывает легитимность власти, потому что вызывает не только недовольство и населения, и предпринимателей поборами, но и *презрение*. Оно разрушает авторитет власти раз за разом приводит к наихудшим решениям, которые оплачиваются уровнем жизни людей. Особенно губительны для легитимности власти разоблачения коррупции в ее высших эшелонах, а также в правоохранительной системе. Эта тема используется практически во всех «виртуальных революциях». В России возможности эксплуатации этого фактора очень благоприятны – одни только события в станице Кущевской нанесли тяжелый удар по легитимности власти.

Крупный российский капитал, верхушку которого представляют так называемые «олигархи», был создан в ходе программы приватизации через залоговые аукционы (1995 г.). Эта программа стала важным шагом в углублении коррупции властной верхушки и огосударствлении преступного мира. Сам А. Чубайс говорил о залоговых аукционах так: «Что такое залоговые аукционы 95-го года? Это было формирование крупного российского капитала искусственным способом. Далекое не безупречным... Мы действительно получили искажение равных правил игры, давление на правительство с целью получить индивидуальные преимущества, к сожалению, нередко успешное. Получили мощную силу, зачастую ни во что не ставящую государство».

Власть *разрушает общество* посредством возвращенной в России коррупции нового типа. Вопиющей стала безнаказанность должностных лиц, допускающих громкие провалы или даже злоупотребления в своей работе. Происходят невероятные по масштабам и сходные по своей структуре чрезвычайные события, каждый раз выявляется халатность или прямое пособничество должностных лиц - и никакой реакции верховной власти. Это возможно только при действии круговой поруки во властной верхушке, парализующей нормальные действия руководства.

Как говорилось, разгул господствующего меньшинства в «лихие 90-е» подорвал легитимность великой идеи демократии, которую использовали как дымовую завесу для прикрытия воровства и произвола. Но что мы видим на новом этапе? Функционеры «Единой России» - не разбойники «лихих 90-х», но они добивают идею демократии

методами кропателей. Довели до того, что половина граждан разуверилась в основном институте демократии – выборах.

Вот эпизод почти курьезный: 11 октября 2009 г. прошли выборы в Московскую городскую думу. Согласно протоколу избирательной комиссии участка, где голосовал лидер «Яблока» Сергей Митрохин с семьей, за его партию не было подано ни одного голоса. При этом ни один бюллетень не был признан недействительным. Возник скандал, оказалось: «16 голосов, поданных за партию «ЯБЛОКО», были обнаружены при пересчете бюллетеней избирательного участка № 192, который только что завершился в Территориальной избирательной комиссии Хамовнического района». Также были найдены 3 бюллетеня за ЛДПР и один за партию «Патриоты России», которые по официальным данным, тоже не получили ни одного голоса. Нашлись также два недействительных бюллетеня, которые по официальным данным были приписаны «Справедливой России». Ну что это такое!

Авторитет власти ронял сам образ Совета Федерации, сложившийся в середине 2000-х годов. Непонятно было, чей это орган, кого он представляет. Например, вдова Собчака Л. Нарусова представляла в Совете Федерации Республику Тыва, бывший министр внутренних дел Республики Ингушетия стал сенатором от Агинского Бурятского автономного округа, а бывший вице-президент Ингушетии — от Республики Алтай. Наоборот, сенатором от Ингушетии назначили бывшего вице-президента Татарстана, а Л. Невзлин из ЮКОСа, прежде чем скрыться от правосудия в Израиле, представлял в сенате Мордовию. Чувашию представлял Владимир Слуцкер (как писала пресса, «президент Российского еврейского конгресса, известный предприниматель, сенатор»).

Через четыре-пять лет надежды стал таять кредит доверия власти – Греф с Чубайсом мало чем отличались от Гайдара с Чубайсом. Та же песня – распродать электростанции и землю, отправить из России побольше нефти и газа, заставить людей платить немислимую цену за свет и отопление. И дело не в том, что тяжело жить. Можно пережить даже тяжелейшие бедствия, если наши тяготы нужны для спасения и укрепления будущего страны. Но тяжело видеть, как труд и здоровье людей обращаются в барыш олигархов, который уплывает из России. И надежного будущего хотя бы для внуков из этого не строится. Строго говоря, это и подрывает легитимность власти.

Вот результат опросов в 2010 г., когда, как считалось, «Россия преодолела кризис». Оценки ситуации в стране распределились так: «ситуация нормальная – 16%», «ситуация проблемная, кризисная – 73%», «ситуация катастрофическая – 11%» [48, с. 55]. Значит, есть ощущение глубокого неблагополучия.

Авторы Доклада снова, после 2008 года, пишут о «самом распространенном по частоте его переживания чувства **несправедливости всего происходящего вокруг**». *«Это чувство, свидетельствующее о нелегитимности в глазах россиян самого миропорядка, сложившегося в России, испытывало в апреле 2011 г. хотя бы иногда подавляющее большинство всех россиян (свыше 90%), при этом 46% испытывали его часто»* [48, с. 65].

Таким образом, начавшийся с перестройки кризис легитимности удерживается в состоянии неустойчивого равновесия. Людям хочется верить власти, но никак не складывается ощущение, что строй жизни, к которому она тянет, – во благо народу, что при этой власти спасение страны гарантировано. Не позволяет реальность определенно сделать такой оптимистический вывод.

В 2001 г. на симпозиуме Вадим Валерьянович Кожинов рассказал о своей беседе с писателем О.В. Волковым, перед самой смертью последнего. Волков много лет томился в ГУЛАГе и был убежденным врагом Советской власти. Поглядев на дела тех, кто уничтожил СССР, он сказал перед смертью, что примириться с Советской властью он, конечно, не может. Но он видит, что эта власть была для России защитным колпаком, под которым она пребывала в безопасности. **Существование России было гарантировано**

советским строем. А теперь этого колпака нет, и он умирает в тревоге — выживет ли страна при этой власти.

Лекция 17. Социальные причины снижения легитимности

Справедливость жизнеустройства

Одним из главных факторов легитимности государственной власти является восприятие ее в массовом сознании как *справедливой*. Это грубая оценка - в общем, а не в частностях.

Проблема справедливости в нынешнем понимании возникла с появлением государства, когда власть стала осуществлять распределение выгод и тягот в обществе посредством *права*. Это распределение создавало противоречия и вызывало конфликты, поэтому категория справедливости стала одной из важнейших в политической философии. Первые систематические выводы из опыта и размышлений оставил Аристотель в книгах «Этика» и «Политика». Они касаются причин утраты легитимности и падения государственной власти.

Аристотель формулирует совершенно категорический вывод: «Главной причиной крушения политий и аристократий являются встречающиеся в самом их государственном строе отклонения от справедливости».

Если взглянем под углом зрения Аристотеля на установки государства Российская Федерация, то придется признать, что эти установки нарушают главные аксиомы справедливости, известные уже в Древней Греции. Это и предопределяет ущербность его легитимности.

Вот, уже почти 20 лет наша власть утверждает, что главная задача государства – обеспечить экономическую свободу *собственников* и конкурентоспособность их *самой* *ловкой* части (ясно, что все предприниматели не могут победить в конкуренции). Напротив, у Аристотеля высшая ценность в праве – не экономическая свобода и не конкурентоспособность, а именно *справедливость*. Все остальные ценности действуют во благо стране и народу лишь при условии, что они не противоречат справедливости. Он отмечал в «Политике»: «Понятие справедливости связано с представлениями о государстве, так как право, служащее мерилom справедливости, является регулирующей нормой политического общения».

В конце 80-х годов в нашем обществе созрел и оформился глубокий раскол в представлении о справедливости. При этом расколе население разделилось на большинство (примерно 90%), которое следовало традиционным взглядам, и радикальное меньшинство, которое эти взгляды отвергало. Большинство, например, считало резкое разделение народа на бедных и богатых несправедливостью, то есть *злом*. Российская элита, представленная сплоченной интеллектуальной бригадой будущих реформаторов, сделала иной философский выбор. Она приняла неolibеральное представление о справедливости. Исходя из этого, в доктрине реформ было хладнокровно предусмотрено массовое обеднение населения России - бедность рассматривалась не как зло, а как полезный социальный механизм.

Авангард идеологов реформы, отвергал само понятие справедливости, прилагаемое к общностям людей – *социальную* справедливость. В 1992 г. Юлия Латынина свою статью-панегирик рынку назвала «Атавизм социальной справедливости». С возмущением помянув все известные истории попытки установить справедливый порядок жизни, она привела сентенцию неolibералов: «Среди всех препятствий, стоящих на пути человечества к рынку, главное - то, которое Фридрих Хайек красноречиво назвал *атавизмом социальной справедливости*» [86].

Поскольку общество – система динамичная, то представления о справедливости менялись и во времени. Значит, *общечеловеческих* критериев справедливости нет, они исторически и социально обусловлены. Каждая власть должна постоянно нащупывать критический уровень несправедливости в массовом восприятии – ту «красную черту», которую нельзя переходить без недопустимого ущерба для легитимности. Для этого нужны эмпирические исследования. Аристотель пишет, как будто прямо авторам

доктрины наших реформ: «Собирающемуся представить надлежащее исследование о наилучшем государственном строе необходимо прежде всего установить, какая жизнь заслуживает наибольшего предпочтения».

В 90-е годы власть в России устроила тип жизни, противный интересам и совести большинства. Это раз за разом показывают исследования и «сигналы», идущие снизу. Население терпит, поскольку не имеет инструментов, чтобы изменить положение без катастрофического столкновения – «*крушение нашей политики и аристократии*» пока что кажется более страшным злом.

Нас убеждают, что принятые в РФ законы (в первую очередь, Основной закон) справедливы по определению, уже потому, что они – законы. Это довод негодный, *легальность* законов и их *справедливость* – разные категории. От того, что депутаты от «Единой России» проголосовали за реформу ЖКХ, этот закон не становится справедливым. Аристотель предупреждает: «Законы в той же мере, что и виды государственного устройства, могут быть плохими или хорошими, основанными или не основанными на справедливости».

В 90-е годы в России были установлены законы и общий порядок, при которых возникла дикая, незнакомая нам раньше коррупция. Несмотря на фарисейские декларации, эти законы и порядок сохраняются и поныне. Аристотель предупреждал, что одна из первых обязанностей справедливого правителя — «посредством законов и остального распорядка устроить дело так, чтобы должностным лицам невозможно было наживаться».

Перенесемся в наше время. Какие идеи определяют сегодня представления о справедливости в «социально мыслящей» части западного общества, исключая радикальные фланги правых и левых? Каков вектор мысли просвещенной части западного среднего класса, за которым якобы повели нас реформаторы? С первого взгляда видно, что этот вектор совершенно не совпадает с курсом российских реформ. Этот Курс, заданный у нас в 90-е годы, поражает своей принципиальной несправедливостью. Наша низовая культура пока что смягчает эту несправедливость, но потенциал разлитых в обществе доброты и сострадания быстро иссякает.

В последние 30 лет рамки представлений о справедливости на Западе задаются трудами американского философа Джона Ролса (1921-2002). Его главный труд «Теория справедливости» вышел в 1971 г. Как говорят, он «оживил политическую философию и омолодил либерализм». Каковы же главные постулаты и теоремы его труда?

Во-первых, исторический опыт подтвердил вывод Аристотеля, справедливость – ценность *высшего* уровня. Она, по словам Ролса, так же важна в социальном порядке, как истина в науке или красота в эстетике: «Изящная и экономически выгодная теория должна быть отвергнута или пересмотрена, если она не соответствует истине; точно так же законы и учреждения, независимо от того, насколько они эффективны и хорошо организованы, должны быть изменены или отменены, если они несправедливы».

Во-вторых, критерий социальной справедливости является жестким и абсолютным: «экономическое и социальное неравенство, как например, богатство и власть, справедливы только тогда, когда несут общую пользу и компенсируют потери наиболее незащищенных членов общества». Иными словами, уровень справедливости измеряется положением *наиболее обездоленного* слоя общества, а не «среднего класса». Неравенство, которое не идет на пользу *всем*, является несправедливостью.

Вспомним, что именно этот критерий отвергали идеологи реформы, которые с 60-х годов вели методическую пропаганду против советской «уравниловки». А именно она «компенсировала потери наиболее незащищенных членов общества». И этой пропаганде многие поверили! Решили, что с ними «по справедливости» разделят отнятое у «слабых».

Ролс считает несправедливым даже «принцип равных возможностей», согласно которому в рыночной системе люди с одинаковыми талантами и волей в идеале имеют равные шансы на успех. Ролс утверждает, что эта «природная лотерея» *несправедлива* и

для ее коррекции нужно введение *неравенства*, приносящего пользу наиболее обделенным.

Подчеркну, что это – выводы *либерального* философа, а не коммуниста и даже не социал-демократа. Он считается самым крупным философом XX века в США. Более того, его критикуют другие крупные либеральные философы за то, что он слишком либерален и недооценивает проблему справедливости в отношении коллективов, общностей людей, переводя проблему на уровень индивида.

Но каковы российские политики! Ведь принципы этого либерального философа проникнуты более глубоким чувством солидарности и сострадания к людям, чем рассуждения о соборности и народности наших депутатов и министров. А уж рассуждения наших рыночников выглядят просто людоедскими. О практике вообще помолчим. Из благополучного советского общества конца 80-х годов на «социальное дно» столкнули 15-17 миллионов человек, половина которых были квалифицированными работниками. На этом «дне» люди очень быстро умирают, но оно пополняется из «придонья», в котором за жизнь борются в отчаянии около 5% населения. А мы празднуем «День Конституции».

Да, ее законы – меньшее зло, чем беззаконие. Но нельзя же не видеть несправедливости законов, которые отняли у людей право на труд и на жилище, а теперь шаг за шагом сокращают право на здравоохранение и на образование. Тенденция неблагоприятна – что же мы празднуем?

Создание бедности

Ранее уже говорилось о том, как разрушительно повлияла реформа 90-х годов на социальный статус и благосостояние большинства населения. Тогда власть в России устроила тип жизни, противный интересам и совести почти всего населения, включая большинство разбогатевших. Это раз за разом показывали исследования и «сигналы», идущие снизу. Население терпело, поскольку не имело инструментов, чтобы изменить положение без катастрофического столкновения. В России была создана невиданная в мире *бедность работающих* людей. Из общего числа бедных более двух пятых составляли лица, имеющие работу. Это – не проблема экономики, это уникальное свойство *политической культуры*.

В таком положении слаба легитимность государства - нет уверенности, что оно обеспечивает выживание народа. ВВП, финансовые активы, конкуренция – все это слабые связи. Даже более того, у многих граждан зреет ощущение, что они лично при таком устройстве страны не нужны и даже нежелательны.

Безнадежность возникает уже оттого, что даже представить себе невозможно кабинет, где, как в КБ, рассчитывали бы и конструировали систему, способную вытащить нас всех из ямы кризиса – без всяких идеологических догм типа «демократии», а с жесткими понятиями и надежной мерой. Мы еще надеемся, что такие проектировщики сидят где-то в Генштабе, Администрации президента, Академии наук. Но нет их! Если бы были, мы бы как-то их увидели. Стабильность обманчива, массивные процессы движутся шагами Каменного гостя. Никто этого даже не отрицает.

Вот знак беды: проект «правых» (СПС и пр.) сознательно и непреклонно отвергнут почти всем населением, но все программы нашей жизни пишутся в ГУ Высшая школа экономики под надзором Ясина. Экономист В. Полтерович, академик РАН, зав. лабораторией математической экономики ЦЭМИ, писал в 2004 г.: «Согласно А. Мэдисону, авторитету в области измерения экономического роста, в 1913 г. российский душевой ВВП составлял 28% от американского уровня. Сейчас – около 25%. Реформируя экономику в 1990-е гг., мы совершили все мыслимые и немыслимые ошибки. Приватизацию средних по размеру предприятий следовало отложить на 4–5 лет, как это сделала Польша, а гиганты сырьевого комплекса должны были оставаться в государственной собственности еще лет 20».

Власть демонстративно нарушает волю большинства граждан, выраженную пусть на условных, но все же выборах – как прежде издевалась над волей, выраженной на референдумах. Академик Н. Петраков пишет, почти с изумлением: «Ситуация складывается парадоксальная. В декабре 2003 года при выборах в Госдуму народ высказался против проводимой правыми экономической политики. По принятым во всем мире правилам люди, которые проводили экономический курс, отвергнутый избирателями, из правительства уходят. А у нас они все остались на своих местах. Все чиновничье ядро экономического блока в правительстве осталось правым. И именно они создают погоду в экономической политике».

Как должно население относиться к власти, которая отбросила хозяйство второй в мире экономической державы на относительный уровень ниже 1913 года? Ведь В.В. Путин ни разу не отмежевался от действий в экономике его предшественников. Никто из разрушителей не только не понес хотя бы символической ответственности, но даже ничего не потерял в престиже и уважении, в том числе со стороны самого В.В. Путина – так же поются дифирамбы Е. Ясину, так же уважительно говорят об А. Чубайсе. Государство не может решиться порвать с ельцинизмом и его тенью «социальной базой»? Это и делает хроническим кризис легитимности.

Про то, как эта власть обеспечивает безопасность страны и лично граждан, даже говорить не будем – слишком тяжелая тема. А вот то, что власть сумела расколоть на враждующие части народ, в котором давно уже утихли распри и взаимные обиды, составляет особую историческую вину.

Надо признать фундаментальный факт: нынешний тип распределения национального богатства и дохода в России несовместим с длительным существованием страны. Пока он воспринимается как временная аномалия, люди готовы его перетерпеть. Но затем народ разойдется на две уже антагонистические части, их сосуществование станет невозможным. Возможно, большинство угаснет и зачахнет, не найдя способа организовать – но что это будет за страна

Государственный патернализм

Важной позицией идеологии российских реформ был принципиальный отказ от *государственного патернализма*. В основном это представлялось как изменение одной из сторон *социального* порядка. В действительности, патернализм — понятие гораздо более широкое. Буквально, это отеческое отношение, выполнение всей совокупности миссий и обязанностей отца. В семье отец ведь не только накормит сына и подбросит ему денег.

Декларация об отказе новой российской власти от принципов государственного патернализма есть заявление о резком сокращении всей системы обязанностей государства перед страной и народом, только говорится это как-то вскользь, невнятно. Стесняются наши отцы и лидера нации, не хотят огорчить своих детушек. Понемногу приучают к новому языку: государственные услуги... Стандарты государственных услуг в больнице: аспирин входит в стандарт, а вон то лекарство, извини, за наличный расчет.

Вспоминается, что после 1991 года Ельцин на это не напирал и всего этого не говорил — знал, что можно говорить, а чего не следует. Делать-то делал, что сказано, но и то нехотя. Зато после его ухода это сразу подчеркнул В.В. Путин уже в своем Послании 2000 года: «Политика всеобщего государственного патернализма сегодня экономически невозможна и политически нецелесообразна». Пришла более модернизированная бригада политиков.

Прежде чем перейти к сути, отметим, что это утверждение в Послании Президента нелогично⁶. Патернализм *всегда* экономически возможен, вплоть до момента смерти отца.

⁶ Оговорка «всеобщий» патернализм бессодержательна, поскольку речь идет о принципе, который по определению может быть только всеобщим («для всех членов семьи»), но «включается», когда человеку требуется отеческая забота государства.

Патернализм не определяется величиной казны или семейного бюджета. Разве в бедной семье отец (*патер*) не кормит детей? Во время Гражданской войны советское государство изымало через продразверстку примерно 1/15 продукции крестьянства, выдавало 34 млн. пайков и тем самым спасло от голодной смерти городское население, включая дворян и буржуев. Это и есть патернализм в крайнем выражении — у одного сына отнимешь, а другого, совсем голодного, подкормишь. Сегодня Российская Федерация имеет в тысячи раз больше средств, чем Советская Россия в 1919 году – а 43% рожениц подходят к родам в состоянии анемии от плохого питания. Ну, стандарт государственной услуги роженицам такой.

Утверждение, будто государственный патернализм «политически нецелесообразен», никак не обосновано. Так говорят, да и то на практике не выполняют, только крайне правые политики вроде Тэтчер. А, например, русский царь или президент Рузвельт никогда такого бы не сказали. В чем же тогда сама *цель* государства России, если сохранить разрушающееся общество считается нецелесообразным?

Регулярные обещания «адресной помощи» как альтернативы патернализму есть социальная демагогия. Добиться «адресной помощи» даже в богатых странах удается немногим (не более трети) из тех, кто должен был бы ее получать (например, жилищные субсидии в США получали в середине 80-х годов лишь 25% от тех, кто по закону имел на них право). Проверка «прав на субсидию» и ее оформление очень *дороги* и требуют большой бюрократической волокиты – даже при наличии у чиновников желания помочь беднякам. На деле именно наиболее обедневшая часть общества не имеет ни достаточной грамотности, ни навыков, ни душевных сил для того, чтобы преодолеть бюрократические препоны и добиться законной субсидии.

Поэтому, как говорил премьер-министр Швеции Улоф Пальме, если доля нуждающихся велика, для государства *дешевле* оказывать помощь всем на уравнительной основе (например, через цены или дотации отраслям). Но еще более важна другая мысль Пальме: само оформление субсидии есть символический акт – на человека ставится *клеймо бедного*. Это – узаконенное признание слабости (и *отверженности*) человека, которое само усугубляет бедность и раскол общества. Напротив, всеобщий патернализм государства (например, общее бесплатное здравоохранение) соединяет общество связями «горизонтального товарищества» и значительно снижает противостояние по линии «бедные – богатые».

Строго говоря, без государственного патернализма не может существовать никакое общество – Государство и возникло как система, обязанная наделять всех подданных или граждан некоторыми благами на уравнительной основе (или с привилегиями некоторым группам, но с высоким уровнем уравнительности). К таким благам относится, например, безопасность от целого ряда угроз. Богатые сословия и классы могли в дополнение к своим общим правам прикупать эти блага на рыночной основе (например, нанимать охрану или учителя), но даже они не могли бы обойтись без *отеческой* заботы государства. Государственный патернализм – это и есть основание *социального государства*, каковым называет себя Российская Федерация.

Формы государственного патернализма определяются общим социальным порядком и культурой общества. Они специфичны в разных цивилизациях. Например, хлеб как первое жизненное благо уже на исходе Средних веков даже на Западе был выведен из числа других товаров, и торговля им перестала быть свободной. Она стала строго регулироваться властью⁷. В XVI веке в каждом крупном городе была Хлебная палата, которая контролировала движение зерна и муки. Дож Венеции *ежедневно* получал доклад о запасах зерна в городе. Если их оставалось лишь на 8 месяцев, выполнялась экстренная программа по закупке зерна за любую цену (или даже пиратскому захвату на море любого

⁷ Вне Запада так было и раньше - о торговле хлебом в империи Чингис-хана можно прочитать у Марко Поло – Уроки XIV века для нас и сегодня актуальны.

иностранного корабля с зерном – с оплатой груза). Если нехватка зерна становилась угрожающей, в городе производились обыски и учитывалось все зерно. Если купцы запаздывали с поставками, вводился уравнительный минимум. В Венеции около собора Св. Марка каждый горожанин по хлебным карточкам получал в день два карава хлеба. Если уж нашим реформаторам так нравится Запад, то почему же они этого не видят? Ведь это – один из важнейших его устоев и источник силы. Попробовали бы там сказать вслух, что патернализм «политически нецелесообразен»!

Наши реформаторы учатся у Запада *приватизации*, но в упор не видят того, как на Западе богатые научились уживаться со своим народом. Наши либералы не привержены очень важным либеральным ценностям – или не вникли в их смысл. Ибо либерализм, как выразился сам Адам Смит, отвергает «подлую максиму хозяев», которая гласит: «Все для нас и ничего для других»⁸. При современном капитализме расходы на патернализм огромны. В среднем по 20 развитым странам (они входят в ОЭСР) субсидии, с помощью которых регулируют цены на продовольственные продукты, составляют *половину расходов населения на питание*. А в отдельных странах (например, Японии) дотации в иные годы составляют 80% расходов на питание. И это именно *политически целесообразно*.

Советское общество было устроено по типу семьи, в которой роль отца (*патера*) выполняло государство, в отношении доступа к *базовым* благам. Это осуществлялось посредством планового производства и ценообразования, субсидирования определенных производств и полного государственного финансирования производства некоторых продуктов и услуг. В этом заключался советский *патернализм*, который изживается уже двадцать лет. Изживается вовсе не маленький винтик в социальном механизме, который можно оценить по критерию «затраты/эффективность». Устраняется один из важных признаков цивилизации вообще. А если говорить о России, то речь идет о ее специфическом признаке как цивилизации.

Приверженность патернализму советского типа характерна для всех народов, долгое время существовавших в российской цивилизации – даже тех, которые были враждебны России и СССР (как, например, эстонцев и поляков). О поляках и других народах Восточной Европы можно прочесть в [78].

Об эстонцах (в сравнении с Россией) пишут авторы международного исследования: «Известно, что характерной чертой социализма являлась патерналистская политика государства в обеспечении материальными благами, в сглаживании социальной дифференциации. Общественное мнение в обеих странах поддерживает государственный патернализм, но в России эта ориентация выражена несколько сильнее, чем в Эстонии: 93% опрошенных в России и 77% в Эстонии считают, что государство должно обеспечивать всех желающих работой, 91% - в России и 86% - в Эстонии – что оно должно гарантировать доход на уровне прожиточного минимума» [64].

Вот результаты исследования, посвященного отношению народов бывших прибалтийских республик СССР к советскому жизнеустройству:

Таблица. Отношение латышей, литовцев и эстонцев к советской системе

	Положительно оценили социалистическую экономику,			Положительно оценили советскую систему (в целом),		
	%			%		
	1993	1996	2000	1993	1996	2000
латыши	59	74	76	36	41	52

⁸ В эпоху «дикого капитализма» была попытка отказаться от патернализма и превратить голод в средство господства, но сравнительно быстро оказалось, что это невыгодно, борьба с бедными обходится дороже.

литовцы	75	76	83	46	43	56
эстонцы	53	48	44	32	22	48

Источник: Baltic Media investigaciones. Transition. Tartu University Press. 2002, p. 270 (цит. в [125]).

Это исследование показало, что латыши, литовцы и особенно эстонцы приспособились к новым экономическим условиям (хотя нынешнюю экономику в 2000 г. отрицательно оценивали 51% латышей и 70% литовцев). Но оценка советской системы как целого выросла во всех этих республиках.

Отрицание патернализма в России говорит о плохом знании Запада. Западные консерваторы видят в государственном патернализме заслон против разрушительного для любого народа «перетекания рыночной экономики в рыночное общество». В любой культуре есть священные (сакрализованные) ценности, наделение которыми не должно регулироваться рынком – их распределяет государство как отец семьи.

Консерватор А. де Бенуа цитирует поэта Шарля Пегги: «Все унижение современного мира, все его обесценивание происходят из-за того, что современный мир признал возможным выставить на продажу те ценности, которые античный и христианский миры считали в принципе непродаемыми». Один из зачинателей институциональной политической экономии Алан Кайе пишет: «Если бы не было Государства-Провидения, относительный социальный мир был бы сметен рыночной логикой абсолютно и незамедлительно» (см. [114]).

Как же можно не понимать этой опасности в России?

В.В. Путин отвергая политику патернализма, приводит такой довод: «Отказ от нее диктуется... стремлением включить стимулы развития, раскрепостить потенциал человека, сделать его ответственным за себя, за благополучие своих близких».

Вера, будто погрузить человека в обстановку жестокой борьбы за существование значит «раскрепостить его потенциал», есть *утопия*. На деле все наоборот! Замечательным свойством советского патернализма была как раз его способность освободить человека от множества забот, которые сейчас заставляют его бегать, как белка в колесе. Эта непрерывная суета убивает все творческие силы, выпивает жизненные соки. Это и поражало на Западе, когда удавалось поехать туда еще в советское время.

Спокойствие и уверенность в завтрашнем дне позволяют человеку плодотворно отдаться творческой работе и воспитанию детей – вот тогда и раскрывается его потенциал. Это говорит не только советский опыт, по этому пути с опорой на государственный патернализм пошли Япония и страны Юго-Восточной Азии.

А опыт Российской Федерации показал, что стресс и гонка ведут к росту заболеваний, смертности и преступности – и потенциал человека съезживается. СССР был обществом, в котором ушли в прошлое страхи, порожденные экономическими и социальными причинами. Люди чувствовали себя под надежной защитой государства, хотя и ворчали на него (или даже тяготились этой защитой, утратив ощущение угроз). Это чувство надежности – следствие государственного патернализма. Произошло «большое» разделение труда между человеком и государством, оно взяло на себя множество тягостных, суетных функций, создало для них специализированные структуры и считало это своей обязанностью. Это было цивилизационным достижением России (даже великим изобретением).

Жители нынешней РФ живут в атмосфере нарастающих страхов – перед потерей работы или ремонтом обветшавшего дома, перед разорением фирмы или техосмотром старенькой машины, перед болезнью близких, для лечения которых не найти денег. И уж самый непосредственный страх – перед преступным насилием.

Установка на искоренение патернализма – едва ли не самая устойчивая в правящей верхушке России. В статье «Россия, вперед!» (10.09.2009) Д.А. Медведев изложил

«представление о стратегических задачах, которые нам предстоит решать, о настоящем и будущем нашей страны». Он сказал: «Считаю необходимым освобождение нашей страны от запущенных социальных недугов, сковывающих ее творческую энергию, тормозящих наше общее движение вперед. К недугам этим отношу... широко распространенные в обществе патерналистские настроения. Уверенность в том, что все проблемы должно решать государство» [96].

Власть настойчиво представляет «патерналистские настроения» большинства граждан России как *иждивенчество*. Это – поразительная деформация сознания, глубинное непонимание сути явлений. Как может быть народ иждивенцем государства? Похоже, что наши правители всерьез представляют власть каким-то великаном, который пашет землю, добывает уголь - кормит и греет народ, как малое дитя. А ведь «все проблемы решает» именно народ, а государство выполняет функцию организатора коллективных усилий. И предметом нынешнего конфликта в России является перечень обязанностей, которые, согласно сложившимся представлениям большинства, должно взять на себя государство. А оно от этих обязанностей *отлынивает!*

Дискурс власти неприемлемо сужает понятие патернализма, распространяя его только на отношения государства и населения. В действительности народ всегда ожидал от государства *отеческого* отношения ко всем системам жизнеустройства России – к армии и школе, к промышленности и науке. Всё это – творения народа, и им в России требуется забота и любовь государства. В этом срезе отношений государства и народа произошел столь глубокий разрыв, что он нанес почти всему населению культурную травму. Разоружение армии, демонтаж науки, деиндустриализация и купля-продажа земли – все это воспринималось как уход государства от его священного долга. Это не просто потрясло людей, это их *оскорбило*. Возник конфликт не социальный, а мировоззренческий, ведущий к разделению народа и государства как враждебных этических систем.

Высшие руководители государства этого, похоже, просто не чувствуют. Как тяжело слышать, например, такие рассуждения В.В. Путина о критерии, которому будет следовать Правительство, оказывая поддержку предприятиям во время кризиса: «Право на получение поддержки получают лишь те, кто самостоятельно способен привлекать ресурсы, обслуживать долги, реализовывать программы реструктуризации» [116].

Разве так поступают в семье? Бывает, что в трагических обстоятельствах нет возможности поддержать всех детей. Но поддерживать лишь сильных и богатых - критерий не просто странный, но небывалый. Обычно государство, заботясь о целом, поддерживает те системы, которые необходимы для решения *критически важных для страны* задач. Но именно такие коллективы обычно неспособны «самостоятельно привлекать ресурсы», поскольку ориентированы на проекты с высокой степенью риска и низкой экономической рентабельностью. Можно ли было, следуя изложенному выше критерию, осуществить в США или СССР атомные программы? Можно ли было развить мощную фундаментальную науку? Мы видим, что и здесь государство принципиально снимает с себя обязанность быть *главой семьи*.

Уход государства от выполнения спланирующей функции, ценностный конфликт с большинством населения разрывают узы «горизонтального товарищества» и раскалывают ту моральную общность, которая только и может держать страну. Это – фундаментальная угроза для России.

Библиография⁹

1. Адамович А. Мы – шестидесятники. М.: Советский писатель. 1990.
2. Александровский Ю.А. Социальные катаклизмы и психическое здоровье // СОЦИС, 2010, № 4.
3. Аганбегян А.Г. Советская экономика — взгляд в будущее. М.: Экономика, 1988.
4. Алексеева Л.С. Бездомные как объект социальной дискредитации // СОЦИС, 2003, № 9.
5. Амоголонова Д.Д., Т.Д. Скрынникова. Пространство идеологического дискурса постсоветской Бурятии // ПОЛИС. 2005, № 2.
6. Амосов Н. Реальности, идеалы и модели // Литературная газета. 1988, 6 окт.
7. Амосов Н.М. Мое мировоззрение // Вопросы философии, 1992, № 6.
8. Антонова О.И. Региональные особенности смертности населения России от внешних причин. - Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата экономических наук. М., 2007.
9. Аристотель. Афинская полития. М.: Соцэкгиз, 1937. С. 17, 162.
10. Бабинцев В.П., Реутов Е.В. Самоорганизация и «атомизация» молодежи как актуальные формы социокультурной рефлексии // СОЦИС, 2010, № 1.
11. Балабанов А.С., Балабанова Е.С. Социальное неравенство: факторы углубления депривации // СОЦИС, 2003, № 7.
12. Баткин Л. Возобновление истории. - В кн. «Иного не дано». М.: Прогресс, 1988.
13. Батыгин Г.С. «Социальные ученые» в условиях кризиса: структурные изменения в дисциплинарной организации и тематическом репертуаре социальных наук. – В кн. «Социальные науки в постсоветской России». М.: Академический проект, 2005, с. 45.
14. Бенуа А. де. Против либерализма. // Русское время. 2009, № 1.
15. Бердяев Н. Русская идея // Вопросы философии. 1990, № 1.
16. Бердяев. Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука. 1990. С. 88-89.
17. Бессокирная Г.П. Стратегии выживания рабочих // СОЦИС, 2005, № 9.
18. Бизюков П.В. Подземная шахтерская забастовка (1994-1995) // СОЦИС, 1995, № 10.
19. Бойков В.Э. Социально-политические ценностные ориентации россиян: содержание и возможности реализации // СОЦИС, 2010, № 6.
20. Бойков В.Э. Социально-экономические факторы развития российского общества // СОЦИС, 1995, № 11.
21. Бойков В.Э. Ценности и ориентиры общественного сознания россиян // СОЦИС, 2004, № 7.
22. Борисов В.А., И.М. Козина. Об изменении статуса рабочих на предприятии // СОЦИС, 1994, № 11.
23. Булгаков С.Н. Апокалиптика и социализм. – Соч., т. 2. М.: Наука, 1993.
24. Буравой М. Транзит без трансформации: инволюция России к капитализму // СОЦИС, 2009, № 9.
25. Бурдые П. Описывать и предписывать. Заметка об условиях возможности и границах политической действенности // Логос, 2003, № 4-5 (39).
26. Бурдые П. Оппозиции современной социологии // СОЦИС, 1996, № 5.
27. Буровский А.М. После человека. - «Постчеловек». М.: Алгоритм, 2008, с. 208.
28. Валлерстайн И. Россия и капиталистический мир-экономика, 1500-2010 // Свободная мысль, 1996, № 5.

⁹ Число ссылок на источники сокращено. Они отобраны по таким признакам: чтобы не дать оснований для обиды или ярости важных персон; чтобы указать источник, который может быть сам по себе полезен читателю; чтобы выделить события или заявления, которые сохраняют свою важность.

29. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. - В кн.: М. Вебер. Избранные произведения. М.: Прогресс. 1990. С. 144-145.
30. Возьмитель А.А., Осадчая Г.И. Образ жизни в России: динамика изменений // СОЦИС, 2010, № 1.
31. Волков Ю.Е. Рабочее движение в условиях перехода к экономике смешанного типа // СОЦИС. 1991, № 12.
32. Гайдар Е.Т. Власть и собственность: Смуты и институты. Государство и эволюция. СПб.: Норма, 2009. С. 328.
33. Галкин А.А. Тенденции изменения социальной структуры // СОЦИС. 1998, № 10.
34. Ги Дебор. Общество спектакля. М.: Логос. 2000.
35. Голенкова З.Т. Динамика социоструктурной трансформации в России // СОЦИС, 1998, № 10.
36. Голенкова З.Т., Игитханян Е.Д. *Профессионалы: портрет на фоне реформ* // СОЦИС, 2005, № 2.
37. Голенкова З.Т., Игитханян Е.Д. Процессы интеграции и дезинтеграции в социальной структуре российского общества // СОЦИС, 1999, № 9.
38. Голенкова З.Т., Игитханян Е.Д. Социальная структура общества: в поиске адекватных ответов // СОЦИС, 2008, № 7.
39. Головачев Б.В., Косова Л.Б. Ценностные ориентации советских и постсоветских элит. - "Куда идет Россия?.. Альтернативы общественного развития". М.: Аспект-Пресс. 1995. С. 183-187.
40. Горбачев М. Декабрь-91. Моя позиция. М.: Изд-во «Новости», 1992.
41. Горшков М.К. Социальные факторы модернизации российского общества с позиций социологической науки // СОЦИС, 2010, № 12.
42. Горшков М.К. Фобии, угрозы, страхи: социально-психологическое состояние российского общества // СОЦИС, 2009, № 7.
43. Горшков М.К., Тихонова Н.Е. Богатство и бедность в представлениях россиян // СОЦИС, 2004, № 3.
44. Грей Дж. Поминки по Просвещению, М.: Праксис. 2003.
45. Давыдова Н.М., Седова Н.Н. Материально-имущественные характеристики и качество жизни богатых и бедных // СОЦИС, 2004, № 3.
46. Данилова Е.Н. Россияне и поляки в зеркале этнических и гражданских идентификаций. – «Восточноевропейские исследования». 2005, № 1.
47. Данилова Е.Н., В.А. Ядов. Нестабильная социальная идентичность как норма современных обществ // СОЦИС. 2004, № 10.
48. Двадцать лет реформ глазами россиян (опыт многолетних социологических замеров). Аналитический доклад. М. : Институт социологии РАН. 2011.
49. Денисова Ю.С. Трудовая перегрузка работников – добрая воля или принуждение? // СОЦИС, 2004, № 5.
50. Динамика социально-экономического положения населения России (по материалам «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения. 1992-2006 гг.»). // Информационно-аналитический бюллетень Института социологии РАН. 2008. Вып. 2. С. 74.
51. Дондурей Д.Б. О конструктивной роли мифотворчества. – "Куда идет Россия?.. Альтернативы общественного развития". М.: Аспект-Пресс. 1995. С. 275.
52. Драгунский Д. Законная или настоящая? // «Век XX и мир». 1991, № 7.
53. Драгунский Д., В. Цымбурский. Рынок и государственная идея // «Век XX и мир». 1991, № 5.
54. Дубин Б.В. Посторонние: власть, масса и массмедиа в сегодняшней России // «Отечественные записки» 2005, № 6.
55. Ерофеев В. Похвала Сталину. // Огонек. 2008, № 29. - <http://www.ogoniok.com/5055/13/>.

56. Ершова Н.С. Трансформация правящей элиты России в условиях социального перелома. - В кн. "Куда идет Россия?.. Альтернативы общественного развития". М.: Интерпракс. 1994. С. 151-155
57. Заславская Т.И. Социализм, перестройка и общественное мнение // СОЦИС, 1991, № 8.
58. Зорин В.Ю. Национальная политика в России: история, проблемы, перспектива. М.: ИСПИРАН. 2003, с. 202.
59. Зорькин В. Конституция против криминала // «Российская газета» - Федеральный выпуск № 5359 (280), 10.12.2010.
60. Иванов В.И. Великая победа и проблемы безопасности // СОЦИС, 2005, № 11.
61. Иванов В.Н., Назаров М.М. Массовая коммуникация в условиях глобализации // СОЦИС. 2003, № 10.
62. Иванова В.А., Шубкин В.Н. Массовая тревожность россиян как препятствие интеграции общества // 2005, № 2.
63. Иноземцев В. On modern inequality. Социобиологическая природа противоречий XXI века. - «Постчеловечество». М.: Алгоритм, 2007, с. 71.
64. Информационный бюллетень ВЦИОМ "Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения". 1996, № 6.
65. Ионин Л.Г. Идентификация и инсценировка (к теории социокультурных изменений) // СОЦИС, 1995, № 4.
66. Ионин Л.Г. Культура и социальная структура (часть 2) // СОЦИС, 1996, № 3.
67. Ионин Л.Г. Культура и социальная структура // СОЦИС, 1996, № 2.
68. Кара-Мурза С. Как нас собираются формировать // Наше время, февраль 2007 г.
69. Кара-Мурза С.Г. Технология научных исследований. М.: Наука. 1989.
70. Кара-Мурза С.Г., Александров А.А., Мурашкин М.А., Телегин С.А. Революции на экспорт. М.: Алгоритм-ЭКСМО. 2006.
71. Кармадонов О.А. Социальная стратификация в дискурсивно-символическом аспекте // СОЦИС, 2010, № 5.
72. Карпухин Ю.Г., Торбин Ю.Г. Проституция: закон и реальность // СОЦИС, 1992, № 5.
73. Качанов Ю.Л., Шматко Н.А. Как возможна социальная группа (к проблеме реальности в социологии) // СОЦИС, 1996, № 12.
74. Козина И. Изменения социальной организации промышленного предприятия. – СОЦИС, 1995, № 5.
75. Козырева П.М. Некоторые тенденции адаптационных процессов в сфере труда // СОЦИС, 2005, № 9.
76. Кон И. Личность и общество (Возвращаясь к проблеме отчуждения) // «Иностранная литература», 1966, № 5. (http://scepsis.ru/library/id_1113.html).
77. Кордонский С. Социальная реальность современной России. - www.POLIT.ru/lectures/2004/05/11/kordon.html.
78. Коровицына Н. С Россией и без нее: восточноевропейский путь развития. М.: Алгоритм-ЭКСМО. 2003.
79. Кортунов С.В. Судьба русского коммунизма. – «НГ-сценарии». 4.11.1997.
80. Кравченко А.И. «Мир наизнанку»: методология превращенной формы // СОЦИС, 1990, № 12.
81. Кравченко С.А. Культуральная социология Дж. Александра // СОЦИС, 2010, № 5.
82. Кривошеев В.В. Короткие жизненные проекты: проявление аномии в современном обществе // СОЦИС, 2009, № 3.
83. Кривошеев В.В. Особенности аномии современного российского общества // СОЦИС, 2004, № 3.
84. Кузнецова А.П. Может ли рабочий стать хозяином? // СОЦИС, 1992, № 1.

85. Кулехов М. Доживет ли Российская Федерация до 2014 года? – <http://forum.msk.ru/10.VI.2007>.
86. Латынина Ю. Атавизм социальной справедливости // Век XX и мир. 1992, № 5.
87. Левада Ю. «Человек советский». – <http://www.polit.ru/lectures/2004/04/15/levada.html>.
88. Любимов Л. Право на безделье // Ведомости, 2010, № 171, 13 сент., http://www.vedomosti.ru/newspaper/article/245506/pravo_na_bezdele#ixzz1VJlyikZc.
89. Максимов Б.И. Рабочие как акторы процесса трансформаций // СОЦИС, 2008, № 3.
90. Максимов Б.И. Рабочий класс, социология и статистика. – СОЦИС. 2003, № 1.
91. Максимов Б.И. Состояние и динамика социального положения рабочих в условиях трансформации // СОЦИС, 2008, № 12.
92. Малышев А.В. В мире фантомов // СОЦИС, 1992, № 12.
93. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 42.
94. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. Соч., т. 3, с. 30, 31.
95. Маслов О., А. Прудник. «Бархатная революция» как неизбежность. // «Независимая газета», 13.05.2005.
96. Медведев Д.А. Россия, вперед! - <http://kremlin.ru/transcripts/5413>.
97. Мертон Р.К. Социальная структура и аномия // СОЦИС, 1992, № 2.
98. Мошкин С.В., Руденко В.Н. За кулисами свободы: ориентиры нового поколения // СОЦИС, 1994, № 11.
99. Мчедлов М. П., Ю. А. Гаврилов, А. Г. Шевченко. Мировоззренческие предпочтения и национальные различия // СОЦИС, 2004, № 9.
100. Мягков А.Ю., Смирнова Е.Ю. Структура и динамика незавершенных самоубийств: региональное исследование // СОЦИС, 2007, № 3.
101. Назаров М.М. Об особенностях политического сознания в постперестроечный период // СОЦИС, 1993, № 8.
102. Найшуль В.А. Откуда суть пошли реформаторы – www.bilingua.org.ru/lectures/2004/04/21/vaucher.html.
103. Наумова Н.Ф., Сычева В.С. Общественное мнение о социальных проблемах армии России // СОЦИС, 1993, № 12.
104. Никулин А.М. Кубанский колхоз – в холдинг или асьенду? // Социологические исследования. 2002. № 1.
105. Новодворская В. Против народовластия // Грани.ру, 13.03.2009, <http://grani.ru/opinion/novodvorskaya/m.148572.html>.
106. Орлов В.Н., Карпухин О.И. Культура и отчуждение // СОЦИС, 1990, № 8.
107. Павловский Г. Война так война. - «Век XX и мир». 1991, № 6.
108. Панарин А.С. Народ без элиты. М.: Алгоритм-ЭКСМО. 2006.
109. Патрушев В. Жизнь горожанина (1965-1998). М.: Academia. 2001.
110. Патрушев В.Д., Темницкий А.Л. Собственность и отношение к труду // СОЦИС, 1994, № 4.
111. Петухов В.В. Новые поля социальной напряженности // СОЦИС, 2004, № 3.
112. Померанц Г. Враг народа // «Век XX и мир». 1991, № 6.
113. Попов Г.Х. <http://www.mk.ru/blogs/idmk/2009/03/25/mk-daily/401208>.
114. Попова И.П. Профессионализм – путь к успеху? Социально-профессиональные характеристики богатых и бедных // СОЦИС, 2004, № 3.
115. Проблемы возрождения современного российского села. – В кн. «Россия: процесс консолидации власти и общества. Социальная и социально-политическая ситуация в России в 2007 году» (ред. Г.В. Осипов и В.В. Локосов). М.: ИСПИРАН. 2008.
116. Путин В.В. Отчет Правительства перед Госдумой 6 апреля 2009 г. - <http://www.rg.ru/2009/04/06/putin-duma.html>.
117. Рав Пинхас Гольдшмидт. Символ свободы - «Независимая газета», 26.03.1994.

118. Радаев В.В., Шкаратан О.И. Власть и собственность // СОЦИС, 1991, № 1.
119. Римашевская Н.М. Бедность и маргинализация населения. – СОЦИС. 2004, № 4.
120. Родин И. Медведев и Путин по-разному оценили советский опыт решения национального вопроса // Независимая газета. 28.12.2010.
121. Рывкина Р.В. Социальные корни криминализации российского общества // СОЦИС. 1997, № 4.
122. Сахаров А. Тревога и надежда. М.: Интер-Версо. 1991.
123. Сенчакова Л.Т. Приговоры и наказания российского крестьянства. 1905-1907. Т. 2. М.: Ин-т российской истории РАН. 1994, с. 272.
124. Силласте Г.Г. Конверсия: социогендерный аспект // СОЦИС, 1993, № 12.
125. Симонян Р.Х. Страны Балтии: этносоциальные особенности и общие черты // СОЦИС. 2003, № 1.
126. Смертность подростков в Российской Федерации. М.: БЭСТ-принт. 2010.
127. Соколов В.М. Толерантность: состояние и тенденции // СОЦИС, 2003, № 8.
128. Соловьев С.С. Трансформация ценностей военной службы // СОЦИС, 1996, № 9.
129. Сорокин П. Историческая необходимость. - СОЦИС, 1989, № 6.
130. Сорокин П.А. Причины войны и условия мира. - СОЦИС, 1993, № 12.
131. Староверов В.И. Результаты либеральной модернизации российской деревни // СОЦИС. 2004. № 12.
132. Степанова О.К. Понятие «интеллигенция»: судьба в символическом пространстве и во времени // СОЦИС, 2003, № 1.
133. Столяров А.М. Розовое и голубое. - «Постчеловек». М.: Алгоритм, 2008, с. 26, 31.
134. Сурков В. Спасти гегемона // Взгляд. Деловая газета, 28.11.2008; http://vmeste.edinros.ru/analytics/analytics_22.html.
135. Тамбия С. Национальное государство, демократия и этнонационалистический конфликт. - В кн. «Этничность и власть в полиэтничных государствах». М.: Наука. 1994.
136. Тарасов А. Суперэтатизм и социализм // http://scepis.ru/library/id_102.html.; Волович В.Н. Отчуждение как условие формирования нового рабочего класса в постсоветской России // Проблемы современной экономики, № 4 (28), 2008; Кальной И.И., Сапунов М.Б., Фетисов Э.Н. Отчуждение в советском обществе: методологический аспект проблемы // СОЦИС. 1991, № 5.
137. Темницкий А.Л. Коллективистские ориентации и практики трудового поведения // СОЦИС, 2008, № 12.
138. Тихонова Н.Е. Особенности дифференциации и самооценки статуса в полярных слоях населения // СОЦИС, 2004, № 3.
139. Тишков В.А. Интервью 25 января 1994 г. - Элита России о настоящем и будущем страны. М.: Ин-т социологии РАН. 1996 (полный компьютерный вариант).
140. Тишков В.А. О российском народе // «Восточноевропейские исследования». 2006, № 3.
141. Трубецкой Н.С. Общевразийский национализм. – В кн. «Основы евразийства». М: Арктогея. 2002, с. 202-203.
142. Тульчинский М.Р. Научометрический анализ «развития социологии» в начале 90-х годов // СОЦИС. 1994, № 6.
143. Турен А. Социология без общества // СОЦИС. 2004, № 7.
144. Феофанов К.А. Социальная аномия: обзор подходов американской социологии // СОЦИС, 1992, № 5.
145. Фигнер С. Олигарх-губернатор все же лучше генерал-губернатора // Новая газета, 2005, № 29.

146. Фурсов А.И. Теоретико-методологические проблемы развития системы исторического коммунизма // Знание. Понимание. Умение. 2010, № 1 (<http://zpu-journal.ru/e-zpu/2010/1/Fursova/>).
147. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003, с. 14.
149. Чешко С.В. Распад Советского Союза. Этнополитический анализ. М., 1996.
149. Чупров В.И. Отношение призывников к службе в армии по контракту: социальный аспект // СОЦИС, 1994, № 3.
150. Шайхутдинов Р. Демократия в условиях «спецоперации»: как убить государство. – «Главная тема». 2004, № 2.
151. Шарп Джин. От диктатуры к демократии. - М.: Новое издательство, 2005. - 82 с.
152. Шмелев Н. Авансы и долги // «Новый мир», 1987, № 6.
153. Штомпка П. Социальное изменение как травма // СОЦИС, 2001, № 1.
154. Шульгин В.В. Опыт Ленина // Наш современник. 1997, № 11.
155. Эмсен А., М. Интрилигейтор, Р. Макинтайр, Л. Тейлор. Стратегия эффективного перехода и шоковые методы реформирования российской экономики // Шансы российской экономики. Анализ фундаментальных оснований реформирования и развития. Вып. 1. М.: Ассоциация «Гуманитарное знание». 1996.
156. Этничность, толерантность и СМИ. М.: РАН. 2006.
157. Яковлев А. Родоначальник гласности о контрреформах // Независимая газета. 2005, № 79.
158. Яковлев А.Н. Большевизм – социальная болезнь XX века // Черная книга коммунизма. Преступления, террор, репрессии / Куртуа С. и др. М.: «Три века истории». 2001. С. 14.
159. Яковлев А.Н. Муки прочтения бытия. Перестройка: надежды и реальности. М.: Новости. 1991. С. 170.
160. Янг К. Диалектика культурного плюрализма: концепция и реальность. - В кн. «Этничность и власть в полиэтнических государствах». М.: Наука. 1994., с. 95-96.
161. Янин С.В. Факторы социальной напряженности в армейской среде // СОЦИС, 1993, № 12.
162. http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_new_philosophy/1253/.
163. <http://www.ntv.ru/programs/publicistics/gordon/index.jsp?part=Archive&pn=3>.
164. Páin E. Correrá Rusia el destino de la URSS? – “El Periódico”, julio de 1993.
165. Sahlins M. Uso y abuso de la biología. Madrid: Siglo XXI Ed., 1990, с. 123, 132.
166. Лежнина Ю.П. Социально-демографические факторы, определяющие риск бедности и малообеспеченности // СОЦИС, 2010, № 3.